

Призрак музыки

Автор:

Александра Маринина

Призрак музыки

Александра Маринина

Каменская #20

Убита преуспевающая владелица туристической фирмы Елена Дударева. Милиции удастся найти почти слепого юношу Артема, который разговаривал с убийцей. Артем не может описать внешность убийцы, но хорошо запомнил его голос и музыку, которую тот слушал. При раскрытии этого заказного убийства Насте Каменской приходится решать трудный вопрос: имеет ли она право привлекать к рискованному поиску убийцы юношу-инвалида?

Александра Маринина

Призрак музыки

Жизнь – как детектив

При чтении некоторых (впрочем, чего уж там лукавить – многих) доморощенных детективов вспоминается анекдот про «нового русского», побывавшего в Третьяковской галерее и на вопрос приятеля «ну и как?» с трогательным простодушием отвечающего: «Ничего. Бедненько, но чистенько...»

И действительно, сюжет их, как правило, обезоруживающе чист, т.е. прост: преступник – прячет, сыщик – ищет, в это незамысловатое варево

подмешивается изрядная порция жутковатых сцен (пытки в подвале, в загородном коттедже, дьявольские эксперименты в тайной лаборатории, в запутанном подzemелье и т.п.), изрядная порция секса (длинноногие блондинки, наивные простушки, по глупости вляпавшиеся в криминальные разборки, опытные гетеры-соблазнительницы и т.п.), немного намеков на текущую политическую ситуацию, на некие неведомые, но могущественные спецслужбы... Главное, чтобы читатель не особенно задумывался, не искал логики ни в сюжете, ни в мотивировке тех или иных поступков героев, а мчался по кочкам сюжета не останавливаясь. А для этого побольше динамики, действия, сплошного нон-стоп, чтобы из мрачного подвала напрямик в постель красотки, с корабля на бал, из огня в полымя... Глядишь, читатель и проглотит. Немудреный рецепт, немудреное блюдо, немудреный едок (т.е. читатель). Но... Как раз с «едоком» все немного сложнее. Оказывается, что он не так уж и прост. Его, видите ли, на мякине не проведешь – подавай ему что-нибудь покачественнее, чем гамбургер на отечественный лад.

Ведь как ни крути, а романы А. Марининой побивают все рекорды и по тиражам, и по интересу читателей. Все-таки она – «царица русского детектива», а не многочисленные творцы чтива под «кроваво-сексуальным» соусом. Кроме сквозных героев (и главной героини, разумеется), ничего из вышперечисленного в ее романах нет. Страшенькие подробности, неизменные спутники любого преступления, подаются в ее романах без всякого причмокивания и смака. Только то, что необходимо для дела. Сексуальные сцены вовремя и очень деликатно погружаются в тьму (как в старых добрых и целомудренных фильмах). «Остренькие» эпизоды отнюдь не громоздятся друг на друга подобно валам бушующего моря. Какое там: пространные описания погоды (например, жары в «Призраке музыки» или бесконечной московской осени чуть ли не в каждом романе), семейных обстоятельств той же Каменской или Селуянова, анализ взаимоотношений в группе Гордеева-Колобка, подробное исследование психологии того или иного персонажа.

В общем, жизнь как жизнь. Общественный транспорт, бытовые проблемы, семейные праздники. Герои Марининой просто живут, как все мы, просто работают.

Но, кроме того, они еще и думают, и не только аналитик от бога Каменская, но и преступники. Они тоже у нее не лыком шиты и дело свое знают. «Если бы у меня не было фантазии, я бы не довел до конца ни одно уголовное дело...» – говорит один из персонажей «Призрака музыки», выступающий здесь и как следователь,

и как преступник. Вот и Каменская все думает, думает... И оказывается, это качество ужасно импонирует читателю, оказывается, что ему тоже интересно думать вместе с этой странной подполковницей. Ему вообще интересно думать и сотворчествовать. С безголовым роботом, исправно машущим кулаками и другими органами, ему не так интересно.

- Где доказательства? - спрашивают у Каменской.

- Нигде, - устало отвечает она, отвлекаясь от логически выверенной, психологически мотивированной, единственно верной картины преступления, сложившейся в ее мозгу. Но картина есть - значит, будут и доказательства. Как их добыть? Каменская подумает. А вместе с ней и читатель. Может, он и не додумается, но зато от души восхитится умозаключениями Анастасии. Ведь Маринина не «дурит» читателя, она дает ему все (или почти все) карты в руки - пожалуйста, думай. Может, в том-то, что не «дурит», а думает и предлагает подумать, и заключен секрет успеха ее произведений? А может, в том, что уловила одну характерную черту нашего времени: все мы живем (поглядите-ка вокруг) словно бы в детективном романе, все время происходит что-то нехорошее, а злодей неизвестен, да и развязка совершенно непредсказуема. А мы живем, страдаем от жары, от бесконечной московской осени, радуемся, простым житейским удачам, стараемся понять, что происходит с нами, что происходит вокруг...

Жизнь как детектив.

Детектив - это трудно.

Сергей НИКОЛАЕВ

Глава 1

Ему было хорошо. С утра он принял дозу, и теперь его душа купалась в чувстве глубокого и непоколебимого покоя. Даже изнуряющая многодневная жара его не злила. Так бывало всегда после дозы: жарко - хорошо, холодно - тоже

хорошо, сидеть хорошо, лежать хорошо. Все хорошо, ничего не беспокоит.

Но мозг работал на ускоренных оборотах, и это тоже было последствием принятия дозы. Жара была хороша не только сама по себе, но и потому, что в это воскресное утро в Москве надо было очень постараться, чтобы найти праздного прохожего. Кто мог – уехал за город, кто не мог – сидел дома с включенным кондиционером или, на худой конец, с зашторенными окнами, и мало находилось не жалеющих себя психов, которые шатались бы по улицам без дела. Еще бы, на солнце – тридцать девять, в тени – тридцать пять, кругом раскаленный, пышущий жаром камень домов и ни малейшего дуновения ветерка. А если добавить к этому выхлопные газы, которые, кажется, никуда не деваются, не тают, не растворяются и не уносятся, а висят ровно в том месте, где появились из автомобильной трубы... Короче, ясно, что, ежели человек себя хоть мало-мальски щадит, он ни за что на свете не станет просто так шляться по московским улицам в этот замечательный солнечный июньский день.

«Шкода Фелиция» цвета «баклажан», а проще говоря – темно-фиолетовая, стояла там, где ему и сказали, перед домом номер восемь. Он остановился рядом, прикуривая, уронил зажигалку, едва заметным движением ботинка послал ее чуть дальше, под машину, и присел на корточки, чтобы достать. Ну вот и порядок, радиоуправляемое взрывное устройство прилеплено к днищу под местом водителя. Выпрямившись, он прикурил и не спеша пошел вперед. И лавочка подходящая нашлась – правда, на самом солнцепеке, но это ничего, это тоже хорошо. Была бы в тени, обязательно какая-нибудь бабка настырная явилась бы воздухом подышать, а так он гарантирован от неудобного соседства.

Он уселся на скамейку, нацепил на голову наушники, щелкнул кнопкой висящего на поясе плеера и погрузился в музыку. Сегодня с утра он долго выбирал, какие кассеты взять с собой, ведь не исключено, что ждать придется долго. Перебирал, перебирал, откладывал в отдельную стопочку, потом снова придирчиво пересматривал отложенное и ставил на место, и снова перебирал. Наконец сделал свой выбор. Баллады «Тень луны» и Шотландскую симфонию Мендельсона. Баллады привлекали его своей прохладной сумеречностью, они были прозрачными, грустными и, несмотря на четкий ритм, неторопливыми и несуетными, какими-то нездешними.

По пути сюда он успел прослушать всю кассету с балладами и теперь, усевшись на скамейку неподалеку от фиолетовой «Фелиции», приготовился слушать Мендельсона. Даже не слушать – вкушать. Это было совсем особое

удовольствие, доступное далеко не каждому. Во внешнем мире – оупляющая тяжелая жара, горячий воздух, который даже вдыхать противно, а из наушников прямо в его голову дует ураганный ветер, грохочет гром, сверкает молния, льет проливной дождь. Каждый раз, слушая Шотландскую, он представлял себе суровый пейзаж, скалистые горы, глубокие ледяные озера, темно-зеленые густые леса. И над всем этим холодным великолепием парит одинокая хищная птица. И ветер с дождем...

Он сидел уже два часа, слушая музыку и не сводя глаз с машины, и вдруг понял, что ужасно хочет пить. И это тоже было последствием принятой утром дозы. Он огляделся. Киоск далековато, если он пойдет к нему, то может пропустить владельца машины.

Взгляд его упал на парнишку лет семнадцати. Парнишка стоял в тени под деревом метрах в пятнадцати от скамейки, прислонившись к толстому стволу, и крутил в руке красный шарик. Шарик то появлялся в его ладони, то исчезал, то вдруг мелькал между пальцами и в следующее мгновение обнаруживался на тыльной стороне ладони. Мальчишка работал одной рукой, потом переключивал шарик в другую руку и снова работал одной рукой.

– Эй! – крикнул он, сдвинув наушник с одного уха. – Эй, парень!

Паренек завертел головой, словно не понимая, откуда доносится звук. Потом увидел сидящего на скамейке человека.

– Вы мне?

– Да, тебе. Подойди, пожалуйста.

Парень медленно двинулся к нему, не переставая крутить шарик.

– Слушай, не в службу, а в дружбу, не сгоняешь в киоск за водой, а? Нога болит – сил нет, совсем ходить не могу, а пить хочется страшно по такой-то жаре. Сбегаешь? – Он постарался быть естественным и убедительным.

Паренек колебался, это было видно по его подвижному лицу.

– Ну пожалуйста, будь человеком. На вот, возьми червончик, принеси бутылку минералки, лучше с газом. Нарзан там или боржоми. И попроси, чтобы дали из холодильника.

Тот взял деньги и снова смешно закрутил головой. Но к киоску все-таки пошел.

– Спасибо, друг, – с чувством сказал убийца, поспешно откручивая колпачок с литровой ледяной бутылки нарзана. – Выручил ты меня. А что это ты с шариком делаешь?

Паренек улыбнулся приветливо и дружелюбно.

– Пальцы тренирую.

– Фокусником собираешься быть?

– Нет, пианистом. Извините, мне надо идти.

– Ну иди, – милостиво разрешил он, с облегчением глядя в спину удаляющемуся мальчику и снова надвигая наушник.

И хорошо, что ему надо куда-то, не хватало еще, чтобы владелец машины как раз в этот момент вышел. Мальчишка уходил ровным, неторопливым шагом, крутя головой. Убийца видел, как он дошел до дерева, у которого стоял раньше, прошел мимо и направился в сторону переулка, а несколькими секундами позже из подъезда дома номер восемь вышла женщина. Решительным шагом она подошла к фиолетовой «Фелиции» и вставила ключ в замок двери со стороны водителя. Как только она села в машину и закрыла дверь, убийца нажал кнопку на пульте. Льющаяся из наушников музыка лишь отчасти заглушила грохот взрыва. Тут же в открытые окна стали выглядывать люди, сидевшие по домам любопытные высыпали на балконы. Остановились проезжавшие мимо машины, выскочили водители. В общем, хотя улица была довольно пустынна, вокруг места взрыва тут же возникла вполне приличная суматоха. Убийца прикинул, нужно ли подходить, изображая естественное любопытство, но решил, что народу вокруг пострадавшей машины и так достаточно, а на него внимания никто не обращает. Поднялся и ушел. Из наушников до него доносились звуки начинающейся грозы над скалистыми берегами и синими холодными озерами, и одинокая хищная птица плавно парила над этим студеным великолепием.

Ему было хорошо и спокойно.

* * *

Выписка из приказа по личному составу начальника Главного управления внутренних дел г. Москвы:

«...назначить подполковника милиции Каменскую Анастасию Павловну на должность старшего оперуполномоченного отдела... установив должностной оклад в размере...

...назначить майора милиции Короткова Юрия Викторовича на должность заместителя начальника отдела... установив должностной оклад в размере...

...освободить полковника милиции Жерехова Павла Васильевича от должности заместителя начальника отдела... в связи с увольнением из органов внутренних дел (рапорт от 10 мая 1998 г.)...»

* * *

– Вот уж я теперь тобой покомандую, – злорадно приговаривал Коротков, обживая новое рабочее место. – В кои веки дорвался.

– Конечно, маленького подполковника обидеть каждый может, даже майор, – отшучивалась Настя. – Зря я вернулась, ты мне жизни не дашь.

– Ага, не дам, – жизнерадостно обещал Юра. – Буду требовать, чтобы ты мне раскрыла как минимум пять убийств века, и тогда я в качестве твоего мудрого руководителя получу сто пятьдесят поощрений, пять государственных наград и звание полковника сразу, минуя подполковника. Здорово я придумал?

– Классно, – соглашалась она. – А если я тебе ничего не раскрою, ты меня выгонишь обратно к Ивану?

– Еще чего, размечталась! Даже если ты вообще ничего никогда больше не раскроешь, я все равно тебя никуда не отпущу, потому что только ты можешь дать мне чувство великого милиционерского кайфа: командовать старшим по званию. Не каждому оперу так везет, как мне.

– Так ты же скоро сам подполковника получишь, и весь твой кайф закончится.

– Это еще когда будет... А пока не мешай мне наслаждаться жизнью.

И Настя не мешала. Более того, она и сама ею наслаждалась, потому что вернулась к своей работе и своим друзьям, по которым так скучала, работая в Управлении по организованной преступности. Генерал Заточный отпустил ее, как говорится, по первому требованию. Гроза, подальше от которой Настю в свое время отослал Гордеев, все-таки разразилась, правда, не осенью, как ожидалось сначала, а только весной следующего года, в марте. Неожиданно для многих был отстранен от должности министр внутренних дел, и на несколько дней милицейская общественность замерла в ожидании решения своей судьбы. Кто придет на смену, еще один военный, который начнет перетасовывать кадры и назначать на все должности подряд своих однокашников по военному училищу, или все-таки профессионал? И через несколько дней вздохнули хотя и несколько настороженно, но с облегчением: не военный.

Новый министр с первых же дней заявил, что оперативно-розыскная деятельность – важнейший элемент борьбы с преступностью и ей отныне будет уделяться первоочередное внимание. Начальника Главного управления внутренних дел Москвы не тронули, соответственно и в самом управлении кадровых перестановок пока не предвиделось. Начальник отдела, в котором работала раньше Настя, остался в своем кресле, и можно было возвращаться. Проработав у Заточного без малого десять месяцев, она успела обучить капитана Дюжина основам аналитической работы и получить очередное звание подполковника, которое не могла получить на Петровке – должность не позволяла, так что расстались они с генералом мирно и любовно. Как говорится, «при своих».

– Ну что, дети мои, – начал в это утро ежедневную оперативку полковник Гордеев, – преступники оказались покрепче нас с вами. Это мы от жары уже на потолок готовы лезть, а они бодренько так себя чувствуют. И откуда только силы берутся? Вчера Селуянов по городу дежурил, и на дежуре он нам убийство некоей госпожи Дударевой, генерального директора фирмы... – он глянул в

разложенные на столе бумаги, – фирмы «Турелла». Туристический бизнес. Дамочка состоятельная, если не сказать больше. Дело возбуждено в округе, нас пока не трогают, но, учитывая, что это могут оказаться бизнес-разборки, не сегодня-завтра и нас подключат. Меня несколько дней не будет: уезжаю сегодня вечером в командировку, за старшего остается Коротков. Так что раздаю слонов заблаговременно. Если будет указание подключаться к убийству Дударевой, займется Селуянов, так ему и передайте, когда он после суток проспится. Понял, Коротков? Дружка своего подряжай, нечего его жалеть. А то я знаю, он на днях жениться удумал, так вы его сейчас все выручать кинетесь. С этим вопросом все, теперь докладывайте по текущим делам. Доценко, начинай с убийства Волощикова...

Настя радовалась, что за время ее отсутствия никто не оккупировал ее привычное место в углу. Основная масса сотрудников отдела рассаживалась за столом для совещаний, кому не хватило места – тот садился на стоящие вдоль стены стулья. В углу же кабинета полковника Гордеева стояло старенькое низенькое креслице с выцветшей, потертой обивкой, до того расшатанное и рассохшееся, что человек весом более восьмидесяти килограммов просто не рисковал в него садиться. Настя Каменская весила меньше, поэтому любила сидеть в нем, ничего не опасаясь.

После совещания она заглянула к Короткову.

– Слушай, нехорошо как-то с Колей получилось, – сказала она. – Ему к свадьбе готовиться надо, а тут нависает реальная опасность увязнуть в убийстве туристической дамочки. Может, поговоришь с Колобком? Пусть даст другое указание.

– Ну да, он даст, – усмехнулся Юрий. – Потом догонит и еще раз даст, чтобы мало не показалось. Колобок Коляна воспитывает, это ежу понятно.

– За что? – удивилась Настя. – Где он опять нашкодил?

– Да там же, где обычно. Две недели назад опять летал в Воронеж без спросу, правда, на один день всего, утром улетел – вечером вернулся, никто и не спохватился бы. Но не таков наш Колобок, с ним эти номера не проходят.

– И опять пил, когда вернулся?

– Это нет, – покачал головой Коротков. – Чего не было – того не было. Колька теперь почти совсем не пьет, только если в застолье, когда уж отказаться нельзя. А такого, как раньше, чтобы на три дня без просыху, не бывает. Леди Валентина его коренным образом перевоспитала. Своих детей, говорит, надо любить обязательно, а вот пить после каждого свидания с ними – это неправильно. Потому что никакой трагедии, которую имело бы смысл заливать водкой, не произошло, дети счастливы, ухожены, веселы и здоровы, живут в полноценной семье с мамой и новым папой, и такая радужная ситуация не является уважительным поводом для пьянства. А ежели Николаша пьет не от жалости к детям, а от жалости исключительно к самому себе, то это тем более постыдно, ибо настоящий мужик не должен себя жалеть. Он может либо поступать правильно и за это уважать себя, либо ругать за ошибки и тут же их исправлять, после чего начинать уважать себя за самокритичность. Все, третьего не дано. Долбила она его этой великой идеей, долбила, ну и додолбила. Так что наш друг Селуянов пребывает в глухой завязке. Между прочим, что дарить-то будем? Есть идеи?

– Пока нет. А у тебя?

– Тоже нет. Ладно, еще почти неделя впереди, сообразим что-нибудь. Кстати, – оживился Юра, – одна идея у меня все-таки появилась. Позвоню-ка я в округ да и узнаю, как там дела с этой Дударевой. Может, все не так страшно и Кольке удастся увернуться.

Он достал телефонный справочник и принялся нажимать кнопки. Дозвониться удалось не сразу, сначала было занято, потом нужного человека не оказалось на месте, но в конце концов он выяснил, что гроза над головой жениха Селуянова, кажется, пролетела мимо. По делу был уже задержан муж погибшей. Похоже, обычное бытовое убийство. Ну, не совсем, конечно, обычное, не в пьяном угаре и не в разгаре семейной ссоры, а заказное, но мотив все равно бытовой: развод и деньги. Никаких бизнес-разборок, в которых задействованы фирмы и люди, находящиеся в разных концах города, а стало быть, Петровка может отдыхать.

* * *

– Гражданин Дударев, кому принадлежит автомобиль марки «Шкода Фелиция», госномер Р 590 СУ?

- Это моя машина, я уже говорил.

- Машина оформлена на ваше имя и вы являетесь ее собственником?

- Нет, машина оформлена на имя жены, я пользуюсь ею по доверенности.

- Ваша жена часто ездит на этой машине?

- Часто. Когда я ее вожу.

- А без вас?

- Без меня она ездит на машине с шофером. Она не умеет водить машину, и у нее даже нет прав. Поймите же, если бы кто-нибудь хотел убить Елену, то не стали бы подкладывать взрывное устройство в «Шкоду», потому что на «Шкоде» езжу в основном я.

- Согласен. Только отчего-то именно сегодня, когда в вашей машине была мина, не вы, а ваша жена открыла дверь и села в салон. Как вы можете это объяснить?

- Я не знаю. Я не понимаю, что я должен объяснять.

- Ах, вы не понимаете? Тогда объяснять буду я. Гражданин Дударев, у вас хорошие отношения с женой?

- Нормальные отношения. При чем тут это?

- При нормальных отношениях супруги не ссорятся почти ежедневно, да еще так громко, что слышат все соседи.

- Все люди ссорятся и при этом нормально живут. Чего вы от меня добиваетесь?

- Потом скажу. Пойдем дальше. Гражданин Дударев, вы человек состоятельный?

- Вполне.

- Перечислите, пожалуйста, в первом приближении, свое имущество.

- Ну... Машина, квартира, загородный дом, гараж... Достаточно?

- Было бы достаточно, если бы все это действительно принадлежало вам. Но ведь это имущество вашей супруги, а не ваше. И машина, и недвижимость зарегистрированы на ее имя, и приобретено все это до брака с вами, так что не может считаться совместно нажитым. А вам лично что принадлежит?

- ...

- Понятно. Ничего. Какие у вас доходы на сегодняшний день?

- Я получаю воинскую пенсию.

- И все?

- Все. А чего вы ожидали? Что я миллионер и уклоняюсь от уплаты налогов?

- Нет, этого я не ожидал. Скажите, пожалуйста, ваша жена вам изменяла?

- Вы с ума сошли?!

- Отнюдь. У меня есть сведения, что у нее был роман, и настолько серьезный, что она решила расстаться с вами и создать новую семью. Вы хотите сделать вид, что вам об этом неизвестно?

- Впервые слышу. Глупость какая!

- Что ж, вам придется выслушать еще одну глупость. Но промолчать в ответ вам не удастся. Вам придется прокомментировать то, что я скажу. Итак, жили вы с Еленой Петровной плохо. Она вам изменяла, и на этой почве вы постоянно ссорились. Более того, когда вы поженились два года назад, она была весьма состоятельной особой, владелицей процветающей туристической фирмы, а вы, Георгий Николаевич, были выходящим в отставку офицером с блестящим боевым прошлым, но, увы, без будущего и без доходов. Вероятно, на этот брак вас толкнула страстная любовь, и к этому я отношусь с огромным уважением. Тогда,

два года назад, ни вы, ни ваша невеста не подумали о том, как будут складываться ваши отношения в материальном плане. Вы были относительно молоды, едва за сорок, и вам казалось, что впереди все будет отлично. Но вы с вашей военной профессией оказались никому не нужны, и вы стали жить на свою офицерскую пенсию и на то, что давала вам Елена Петровна. Согласитесь, это было унижительно. У меня есть сведения о том, что вы неоднократно пытались устроиться на работу, но не преуспели. Гражданской профессии у вас нет, максимум, что вам предлагали, это встать за прилавок и торговать на вещевом рынке, получая по пятьдесят рублей с каждого проданного пиджака. Вас это не устроило ни по деньгам, ни по статусу. Со временем страстная любовь утихла, и Елена Петровна нашла себе другого мужчину, более приспособленного к жизни. И перед вами реально встала угроза развода. Все имущество принадлежит вашей супруге, и при расторжении брака вам ничего не достанется. Гораздо удобнее остаться вдовцом, не так ли? Дальше все несложно. Вы подкладываете взрывное устройство в машину, которую купила вам жена и которую вы водите по доверенности, и посылаете Елену Петровну под благовидным предлогом что-то взять из автомобиля. Что именно?

- ...
- Я спрашиваю, зачем ваша жена открывала машину, если не ездит на ней?
- Ей нужно было взять документы.
- Какие документы?
- Из строительной фирмы.
- Подробнее, пожалуйста.
- Мы хотели... Она хотела перестроить наш загородный дом и заказала в строительной фирме проект. В пятницу я должен был заехать в фирму и взять документацию.
- Почему Елена Петровна открыла дверь со стороны места водителя, если хотела взять документы из «бардачка»? Проще было бы открыть дверь со стороны пассажирского места.

- Там замок сломан. Правую переднюю дверь можно открыть только изнутри.
- Почему вы оставили документы в машине, а не принесли домой, как полагается?
- Забыл.
- Очень кстати! Забыли? Или оставили специально, чтобы был повод послать ее к машине?
- Я действительно забыл! Положил их в «бардачок» и забыл. Ну почему вы мне не верите?
- Знаете, верить вам очень трудно. На моем месте вам не поверил бы ни один другой следователь. Но вернемся к документам. Если вы, как вы утверждаете, жили мирно, в любви и согласии, то почему вы не проявили себя джентльменом и не сходили за документами сами? Почему нужно было посылать жену?
- Вы правы...
- Ну вот, видите.
- Вы правы, мы действительно ссорились в то утро. Я был против перестройки дома...
- Почему?
- Мне казалось, что он и без того достаточно хорош. Я пытался убедить Елену, мы повысили голос друг на друга... Она потребовала показать документы, я сказал, что они в машине и, если ей надо, пусть сама сходит и возьмет. Она взяла ключи от машины и пошла вниз. Вот и все.
- Нет, Георгий Николаевич, не все. Вы не просто повысили голос на жену, вы спровоцировали ссору. Вы заранее оставили документы в машине, а потом затеяли ссору, подталкивая Елену Петровну к тому, чтобы она захотела взглянуть на подготовленный проект.

– У вас больная фантазия...

– Вы знаете, сколько раз за свою жизнь я это слышал? Ровно столько, сколько подследственных отдал под суд. Так что для меня ваша оценка не нова и, смею вас уверить, не обидна. Если бы у меня не было фантазии, я бы не довел до конца ни одно уголовное дело. Поверьте, не родился еще тот преступник, который с удовольствием рассказывал бы мне, как все было на самом деле. Мне приходится напрягать фантазию, чтобы понять, что же произошло. Вернемся, однако, к вам и вашей супруге. Специалисты осмотрели место взрыва и обломки машины и пришли к выводу, что мина была радиоуправляемой. У меня остался только один вопрос, на который я хочу получить ответ: кто привел мину в действие? Вы сами, выйдя на балкон или высунувшись в окно? Или вы наняли для этой цели кого-то другого? Вот на этот вопрос я бы хотел, чтобы вы мне ответили. Но если вы промолчите, беда невелика. Сейчас в вашей квартире идет обыск. Если мы не найдем там пульта, с которого вы послали смертельный сигнал, стало быть, начнем искать вашего сообщника. Может быть, вы хотите сэкономить нам время и силы и признаться сразу?

– Мне не в чем признаваться. Я не подкладывал никакого устройства и не хотел убить Елену. И нет у меня никакого сообщника. Вы заблуждаетесь, вы попали в плен собственных измышлений...

– Не нужно, Георгий Николаевич, не тратьте впустую слова. Кто, кроме вас, мог предполагать, что не вы сами сядете в машину? Никто. Потому что на водительское место всегда садились только вы, вы сами мне об этом сказали. Ваша супруга автомобиль не водила. Кто, кроме вас, знал, что правая передняя дверь снаружи не открывается? Никто. И никто, кроме вас, не мог пытаться убить Елену Петровну таким странным способом, используя вашу машину и закладывая взрывное устройство под водительское место. Мы найдем либо пульт, либо человека, которого вы наняли. Третьего не дано. Я выношу постановление о вашем задержании.

– Послушайте...

– Да?

– Что я должен сделать, чтобы вы мне поверили?

– К сожалению, такого рода совет я вам дать не могу. Могу только посоветовать, как облегчить свою участь.

* * *

К вечеру духота не спадала, немного прохладнее становилось лишь ближе к рассвету. Ольга Ермилова провела бессонную ночь, но причиной этому была не только жара. Накануне вечером в «Дорожном патруле», который она смотрела постоянно, она услышала страшную новость: Елена Дударева погибла, по подозрению в совершении преступления задержан ее муж Георгий Дударев. Мозг отказывался усвоить информацию и вместо конструктивных идей подбрасывал Ольге какие-то странные мысли о сыне, которому, наверное, тоже жарко в пионерском лагере, и о зимних вещах, которые давно пора было отнести в химчистку. Понемногу в голове стало проясняться, и она обрела способность хоть как-то соображать. Надо позвонить Георгию и узнать, правда ли это. Ольга уже потянулась было к телефону, но вовремя сообразила, что если он действительно задержан, как сообщили по телевизору, то в квартире могут находиться работники милиции, которые начнут спрашивать, кто звонит и зачем, а сами в это время будут устанавливать номер абонента. Можно, конечно, выйти позвонить из автомата, но это тоже опасно. А вдруг муж, находящийся на дежурстве, захочет как раз в этот момент с ней поговорить? Позвонит, а дома никто трубку не снимет. Время позднее, почти час ночи, трудно будет в очередной раз врать, где была.

Одно Ольга Ермилова знала точно: Георгий не убийца. У него множество недостатков, как у любого живого человека, но убить он не может. Произошла какая-то ошибка, и она, Ольга, должна помочь ему выпутаться.

Провертевшись без сна на влажной постели до утра, Ольга стала собирать мозги и душу к приходу мужа с дежурства. Она понимала, что должна быть готова на все, она должна найти в себе силы приводить любые аргументы, даже самые опасные, только чтобы спасти Георгия. В девять утра она позвонила на работу и сказала, что приболела, сегодня отлежится, но завтра непременно выйдет. К ней отнеслись с сочувствием и велели лечиться и ни о чем не волноваться.

Михаил вернулся домой только около полудня. К этому времени Ольга сумела взять себя в руки и подготовиться к разговору. Но, увидев мужа, бледного после суточной работы и изнемогающего от жары, она снова растерялась.

- Кушать будешь? – робко спросила она. – Или сразу спать?

- В душ, – пробормотал Михаил, срывая с себя мокрую от пота рубашку. – Сначала в душ, потом все остальное.

Он скрылся в ванной, и вскоре Ольга услышала шуршание водяных струй. Нет, она не может больше ждать. Или сейчас – или никогда. Она решительно открыла дверь ванной. Михаил стоял под душем и, зажмурившись, мыл голову шампунем.

- Миша, я вчера по телевизору слышала, что убита некая Дударева, а ее муж арестован по подозрению в убийстве. Это правда?

- Правда, – ответил он, не открывая глаз. – А почему ты спросила? Ты что, знала ее?

- Нет, ее я не знала.

- Тогда в чем дело?

- Я знаю ее мужа. Миша, это какая-то ошибка. Он не убийца.

Михаил быстро смыл пену с волос и лица и открыл глаза. Лицо его было спокойным, но выражало неподдельный интерес.

- Ты знакома с Дударевым?

- Да.

- Откуда? Почему я не знаю об этом знакомстве?

- Какая разница, Миша. Ну знаю я его – и все. Не в этом же дело.

- А в чем? Поясни, будь добра.

- Я знаю Георгия. Он не может убить свою жену.

– Это почему же?

– Не может. Я точно знаю. Он порядочный человек и настоящий мужчина, он не поднимет руку на женщину ни при каких обстоятельствах.

– Настоящий мужчина, говоришь? – прищурился Михаил. – Настоящие мужчины, да будет тебе известно, не сидят на шее у жены и не разъезжают в автомобилях, купленных не на свои деньги. Настоящие мужчины работают, и даже если они не зарабатывают так много, как хотелось бы, все равно делают какое-то полезное дело и хотя бы таким способом доказывают свою состоятельность. А твой приятель Дударев, когда его уволили из армии по сокращению штатов, так и осел на своей офицерской пенсии. Жена неоднократно пыталась пристроить его к делу, но он же гордый, он же, елки-палки, боевой офицер с высшим образованием, как это он встанет за прилавок одеждой торговать. Ему же подавай по меньшей мере кафедру в военной академии, тогда он, может быть, еще подумает. Разве настоящий мужчина так себя поведет? Впрочем, ты, наверное, всех этих деталей не знаешь, потому и защищаешь его. И все-таки любопытно, откуда ты с ним знакома?

Он выключил воду и потянулся за полотенцем. Ольга некоторое время молча смотрела, как муж вытирается, обматывает бедра полотенцем, вылезает из ванны, чистит зубы.

– Ты сегодня не работаешь? – спросил он, расчесывая мокрые волосы.

– Нет.

– Тогда, может, к Валерке съездим? Отвезем ему вкусенького, воды несколько бутылок. По такой жаре он, наверное, пить все время хочет. Ты как?

– Я думала, ты устал и хочешь отдохнуть, – нерешительно ответила Ольга.

Ей не хотелось ехать к сыну в оздоровительный лагерь, не поговорив о главном. А Михаил, судя по всему, не придал никакого значения разговору и уже думает о чем-то своем.

– Сколько можно отдыхать? Посплю часа три-четыре – и хватит. Как раз часам к шести и приедем к нему, между тихим часом и ужином. Кстати, ты за квартиру заплатила?

– Вчера же воскресенье было...

– Ах да, я и забыл с этим дежурством. Сходи сегодня, а то пени начнут капать. И за электричество не забудь заплатить. Извини. – Он слегка отстранил Ольгу и снял висящее на двери короткое шелковое кимоно, в котором любил ходить дома, особенно когда жарко.

Михаил вышел из ванной и направился на кухню. Ольга поплелась следом за ним, не зная, как продолжить прерванный разговор.

– Так, – протянул он, заглядывая в холодильник, – чего бы мне поесть?

– Хочешь, я жаркое разогрею? – предложила Ольга.

– Ни за что, в такую жару горячее есть? Я бы чего-нибудь холодненького употребил. Салатик какой-нибудь, например.

– Я сейчас сделаю, – заторопилась она. – Посиди пять минут, я быстро.

Она вытащила из холодильника помидоры, огурцы, зеленый салат, лук и стала быстро резать овощи. Михаил уселся рядом за стол, вытянул ноги, блаженно вздохнул и закурил.

– Господи, как же хорошо дома, – медленно, со вкусом произнес он. – Мне всегда было жалко мужиков, которые не знают, какое это наслаждение – после работы идти домой. Особенно когда жена не работает, а ждет тебя. Оля, я, наверное, очень счастливый. Как ты думаешь?

Ей стало почти физически больно. Он так ее любит, а ведь она собирается ему сказать... Все те месяцы, что была любовницей Дударева, Ольга с ужасом думала о том, что будет, если муж узнает. Он этого не переживет. Михаил так любит ее, так верит ей... Она не боялась развода как такового, мысль остаться одной с десятилетним ребенком Ольгу Ермилову не пугала, она была женщиной

активной и самостоятельной, неплохо зарабатывала и не держалась за штамп в паспорте. Но она боялась нанести Михаилу удар, которого он не заслуживал. Если бы можно было и сейчас ничего ему не говорить... Но, видно, придется.

– Миша, я опять о Дудареве, – сказала она, не оборачиваясь и делая вид, что поглощена нарезкой овощей для салата. – Может, тот следователь, который его арестовал, не во всем разобрался?

– Может, – согласился он. – И что дальше?

– Ну... может, он разберется и выпустит его, как ты думаешь?

– Маловероятно. Слишком много улик против твоего знакомого. Он был заинтересован в смерти жены. И кроме того, во время службы в армии он имел дело со взрывчаткой и приобрел хорошие навыки в работе со взрывными устройствами. Так что ничего твоему приятелю не светит. Но ты мне так и не сказала, откуда знаешь его.

– Да так, познакомились на книжной ярмарке в «Олимпийском». Я Валерке книжки искала, а Георгий тоже что-то выбирал. Разговорились. Он мне посоветовал, в какой части зала поискать то, что мне нужно. Вот и все.

– И на основе этого случайного знакомства ты делаешь такие серьезные выводы, что он хороший человек и не может никого убить? Милая, по-моему, ты пытаешься заняться благотворительностью. Слушай, есть хочется просто катастрофически. Ты скоро?

– Уже готово.

Ольга заправила салат майонезом и поставила тарелку на стол перед мужем. Михаил взял кусок хлеба и принялся с аппетитом поедать свежие овощи.

– Кофе сделать? – спросила она.

– Да, будь добра.

Ольга насыпала зерна в кофемолку и нажала кнопку. Нервы были напряжены так сильно, что громкое жужжание прямо под ухом казалось ей просто непереносимым. Она с трудом удержалась, чтобы не швырнуть вибрирующую и подвывающую машинку прямо на пол и не закричать.

- Значит, ты говоришь, он бывает на книжной ярмарке? – вдруг спросил муж.

- Да.

- Это хорошо, что ты сказала. Надо будет поискать там его связи.

- Миша, какие связи? Он не преступник! – в отчаянии заговорила Ольга. – Он никого не убивал.

- Да тебе-то откуда это известно? Что ты его защищаешь, будто он тебе брат родной? Спасибо, – он отодвинул пустую тарелку, – было очень вкусно.

- На здоровье. – Ольга набрала в грудь побольше воздуха, как перед прыжком в воду. – Я хорошо знаю Георгия. Мне страшно и стыдно говорить тебе об этом, но я его знаю очень хорошо. И я точно знаю, что он не убийца.

- Так, – Михаил выпрямился и с тревогой посмотрел на жену. – Что значит «страшно и стыдно»? Что у вас за отношения?

- Близкие отношения, Миша. Очень близкие. Ну вот, теперь ты все знаешь.

Ольга обессиленно опустилась на стул и заплакала.

- Я прошу тебя, я умоляю... Сделай что-нибудь, поговори со следователем, у тебя же есть связи... Объясни ему, что Георгий не мог совершить ничего плохого. Я понимаю, теперь ты не захочешь больше жить со мной, ты имеешь полное право выгнать меня. Хорошо, пусть так, выгони, только спаси его!

Она уже не думала о том, какую боль причиняет мужу, в голове стучала только одна мысль: спасти Георгия, который ни в чем не виноват, он не может быть виноват, он не мог убить свою жену! Михаил сидел бледный, руки его дрожали.

– Вот, значит, как... Оля, но почему... Дрянь! – вдруг закричал он. – Лживая дрянь! Сколько времени это длится?

– Полгода, – сквозь слезы сказала она.

– Полгода ты мне врала! Полгода ты бегала на свидания с ним, а мне плела какое-то вранье про поликлинику и магазины, да? Полгода ты ложилась с ним в постель, а потом приходила домой и обнимала меня, да? Да? Так это было?

Она кивнула.

– Мишенька, дорогой, ты прав, ты во всем прав, я бессовестная лживая дрянь, ты можешь обзывать меня как хочешь, только спаси его!

Ольга зарыдала громко и отчаянно.

– И как я должен, по-твоему, спасти твоего любовника? – с внезапной холодностью спросил муж.

– Поговори со следователем, попроси его... Раз ты в курсе событий, значит, знаешь, кто ведет это дело. Скажи ему, что Георгий не виноват, тебе поверят. Миша, пожалуйста! Я тебя умоляю! Хочешь, я на колени встану перед тобой?

– Не надо, – его губы исказила брезгливая усмешка, – обойдемся без патетики. Ну хорошо, допустим, я добьюсь, чтобы твоего хахала выпустили. И что потом? Ты выйдешь замуж за богатенького вдовца и бросишь меня с моей милицейской мизерной зарплатой, так? И сына заберешь, чтобы он рос в холе, неге и достатке? Или как ты себе представляешь дальнейшие события?

– Миша, я не знаю... Как ты скажешь, так и будет, только спаси его. Скажешь – уйду, скажешь – останусь.

– Останешься? И будешь мне верной женой? Или будешь по-прежнему мне врать и бегать к своему Дудареву на свидания?

– Я даю тебе слово, я клянусь тебе, я никогда больше не увижусь с ним, если ты скажешь мне остаться. Я не буду тебе врать. Только сделай что-нибудь...

Михаил молча вышел из кухни. Через несколько минут Ольга увидела его в прихожей полностью одетым, в светлых брюках и легкой рубашке с короткими рукавами.

- Куда ты? – спросила она с надеждой.

Может быть, Михаил внял ее мольбам и сейчас пойдет к тому следователю договариваться.

- На работу.

- Ты сделаешь так, как я прошу?

- Не знаю. Это я задержал Дударева. Но теперь, когда выяснилось, что он твой любовник, я не имею права вести дело. Я должен поставить в известность руководство и передать дело другому следователю.

- Но ты поговоришь с ним? – настаивала Ольга.

- Вряд ли. Не в моих правилах выгораживать преступников, тем более убийц. Кстати, твой любовничек знает, где я работаю?

- Конечно.

- Значит, он понимал, кто его допрашивает, но ни слова не сказал. Молодец, джентльмен. Только все равно дурак. Сказал бы сразу, его бы в тот же момент к другому следователю отправили, может, с другим-то ему больше повезло бы. Пламенный привет, Ольга Васильевна!

Он с силой захлопнул дверь. Ольга неподвижно стояла в прихожей, тупо глядя на то место, где только что стоял ее муж, словно продолжала разговаривать с ним. «Сделай что-нибудь, – мысленно твердила она, – сделай все, что нужно, чтобы его спасти, и я буду тебе верной женой до самой смерти».

Глава 2

Уголовное дело по факту убийства гражданки Дударевой Елены Петровны принял у следователя Ермилова Борис Витальевич Гмыря. Улики против мужа погибшей показались Гмыре более чем весомыми, и выпускать задержанного он не спешил. Правда, обыск на квартире Дударевых ценных результатов не принес, не было обнаружено никаких следов того, что здесь изготавливалось взрывное устройство и именно отсюда был послан смертоносный сигнал. Но Гмыря был полностью согласен со своим предшественником Ермиловым: нажать кнопку мог кто угодно, самому Дудареву делать это вовсе не обязательно. И теперь встал вопрос о том, чтобы опрашивать поголовно всех жителей дома номер восемь и соседних домов, не видел ли кто-нибудь поблизости от машины подозрительных людей, которые слонялись без дела и выжидали неизвестно чего. А может, кто-нибудь видел в момент взрыва, как сам супруг Елены Петровны выходил на балкон? В конце концов, тот факт, что пульт в квартире не обнаружен, еще ничего не означал, до приезда милиции времени прошло немало, и виновник скоропостижной смерти любимой жены вполне мог успеть задевать улику куда угодно, вплоть до мусоропровода, который, кстати, тоже нужно проверить. Параллельно отработывался весь круг знакомых Георгия Николаевича Дударева с целью выявления лиц, которым подозреваемый мог бы поручить участие в столь щекотливом деле, как устранение собственной супруги.

Оперативник Сергей Зарубин, шустрый смекалистый паренек крошечного росточка, выполнял задание по опросу жителей микрорайона, где произошла трагедия. Планомерно обходя квартиры, он чаще всего встречался с людьми, которых в то жаркое воскресное утро не было в городе. Просто удивительно, думал он, поднимаясь на очередной этаж и нажимая очередную кнопку звонка, все кричат о своей нищете, а куда ни кинься – у всех дачи. На худой конец – машины, на которых выезжают за город, подальше от душного каменного мешка.

Ему было жарко, рубашка прилипала к спине, а брюки к ногам, и Сергей, выйдя из отработанного подъезда, направился к расположенному неподалеку киоску, чтобы купить банку пепси из холодильника. Попутно ему пришла в голову мысль о том, что если посторонний человек здесь был и ждал долго, то не исключено, что он тоже подходил к киоску за чем-нибудь прохладительным. Конечно, если это был матерый и опытный преступник, то он не стал бы так глупо светиться, но ведь не все преступники опытные и умные, среди них всякие попадают, в

том числе и не очень предусмотрительные.

- Что у вас в холодильнике есть? – спросил он у сонного вида девицы, торгующей в палатке.

- У нас есть все, – вяло протянула она. – На витрине все выставлено, выбирайте.

- И что, прямо все-все-все, что на витрине, есть в холодном виде? – недоверчиво переспросил Сергей.

- Все, – твердо ответила продавщица.

- И минералка без газа?

- «Вера» и «Святой источник». Вам какую?

- Давайте «Источник». Сколько с меня?

Девушка назвала цену. Сергей долго рылся в кошельке, отсчитывая деньги, при этом приговаривал что-то забавное, хитро поглядывая на разморенную духотой девушку, и в конце концов втянул ее в разговор. Начали, естественно, с обсуждения вопроса о том, как идет торговля в такую жару, потом плавно перешли к постоянным покупателям – работникам близлежащих учреждений. А потом Сергей, увидев, что настороженность его собеседницы пропала, признался в своих истинных интересах.

- Ой, из милиции! – Девушка отчего-то всплеснула руками и рассмеялась. – Неужели таких маленьких в милицию берут?

- Конечно, еще как берут. Специально, чтобы никто не догадался, что я из милиции, – доверительно сообщил Зарубин. – Так как, Лялечка, вспомним что-нибудь про вчерашний день?

- Да чего там вспоминать-то, – она удрученно вздохнула, – мертвый был день, конторы не работают, а жильцы все на дачах отсиживались. Город-то пустой, вот и у меня торговля не идет.

– Тем более, – оживился оперативник. – Значит, покупателей было мало, вот их всех и вспомните. Особенно утренних, тех, которые к вам подходили до того, как машину рвануло.

– Пацан был, точно помню, и как раз перед тем, как грохнуло, – уверенно сказала Лялечка.

– Что за пацан? Маленький?

– Да нет, не то чтобы очень. Лет восемнадцать, а может, и больше. Он вообще-то худенький такой, subtilный. Но когда наклонился к окошку, я заметила, что чисто выбрит. То есть не детское личико, а бритое, понимаешь? И лицо очень напряженное, у детей такого не бывает.

– Замечательно! – обрадовался Сергей. – Еще что можешь про него сказать? Как одет был?

– Одет обыкновенно, шорты светлые и майка с какой-то надписью, я не разобрала. Да, в руке шарик крутил. Я еще подумала, зачем ему шарик?

– Какой шарик?

– Красненький.

– Большой?

– Да нет, вот такой, – Лялечка сложила большой и указательный пальцы, обозначая диаметр шарика. – Вроде пластмассовый.

– И ловко крутил?

– Еще как! – Лялечка завистливо вздохнула. – Если б я так умела, я бы не сидела тут, а в цирке выступала. Прямо Акопян.

«Акопян, значит, – с удовлетворением подумал Зарубин. – Чтобы так работать с шариком, нужно постоянно тренироваться, все двадцать четыре часа в сутки. Стало быть, можно говорить о привычке. Уже что-то».

Выпив залпом прямо возле киоска маленькую бутылку холодной воды, Сергей прикупил с собой еще одну и отправился на поиски. Приметы, конечно, аховые, но уж какие есть. Парень с шариком мог быть тем самым убийцей, а мог быть просто прохожим, но его все равно надо найти, тем более что он, вполне вероятно, видел убийцу.

И опять все сначала. Подъезд, лестница, этаж, дверь, звонок, вопрос: «Не знаете ли вы худощавого юношу, который имеет привычку крутить в руках шарик», слова благодарности, снова дверь, звонок, вопрос, лестница, дверь... Ноги гудели, рубашка и брюки превратились во вторую кожу, которая прилипла к телу так плотно, что, казалось, не отлипнет уже никогда.

К десяти вечера обход пришлось прекратить, люди не очень-то любят открывать на ночь глядя дверь незнакомцам, даже показывающим солидное удостоверение. Они нервничают и стараются ответить как угодно, ни во что не вникая и не задумываясь, только чтобы незваный гость побыстрее ушел.

Вернувшись на следующий день утром, Зарубин продолжил прерванное накануне занятие и к обеду, поскольку основная масса народу была на работе и дверь ему никто не открывал, переместился в соседний квартал. Зашел во двор дома и глазам своим не поверил. Прямо перед ним на скамейке сидели два паренька. Один, высокий и плечистый, читал что-то вслух, а другой, худощавый и пониже ростом, одетый в светлые шорты и майку, внимательно его слушал, вертя в руке красный шарик. «И кто после этого будет говорить, что нет в жизни удачи?» – подумал Сергей.

* * *

Они не были братьями, но они были больше чем просто друзьями. Они были друг для друга всем.

Вследствие родовой травмы у Артема Кипиани началась частичная атрофия обоих зрительных нервов. Сначала ребенок плохо видел вдаль, потом вблизи, потом стали сужаться поля зрения. Ему было трудно читать и писать, глаза быстро уставали, и приходилось делать большие перерывы, чтобы отдохнуть. В начальных классах школы он еще как-то успевал с уроками, к пятому классу проблема встала во всей своей остроте. Его впервые оставили на второй год.

Мальчик был более чем просто способным, он был безусловно талантливым и дома занимался уроками без устали, даже в ущерб сну. Но контрольные... На них время ограничено, и он, вынужденный все время прерываться, чтобы дать глазам отдых, катастрофически не успевал записать решение задачи, которую уже решил в уме. То же самое происходило на контрольных по русскому и английскому.

Родителям Артема пришлось в тот момент принимать ответственное решение. Отдавать ли мальчика в специальную школу для слабовидящих или оставить в обычной школе? Собственно, спора как такового между родителями не было, оба были согласны с тем, что нужно, как говорится, упираться до последнего, чтобы попытаться дать сыну полноценное образование. В школе для слабовидящих, как известно, программа обучения весьма щадящая и далеко не все общеобразовательные предметы «отоварены» учебниками по Брайлю, которые могут читать слепые. Но справится ли Артем с нарастающими нагрузками обычной школьной программы? И как быть все с теми же контрольными?

С контрольными вопрос был решен раз и навсегда. Мальчик должен получить образование, а не отметки, поэтому пусть ставят тройки и даже двойки, ничего страшного в этом нет. А чтобы из школы не исключили за неуспеваемость, нужно стараться получать за устные ответы и домашние задания только пятерки. На алтарь выполнения этого решения Екатерина и Тенгиз Кипиани бросили все свое свободное время, они читали Артему учебники вслух и диктовали условия задач и примеры. Так проучились еще два класса, и снова мальчик оказался второгодником по результатам годовых контрольных. Предметов по программе становилось все больше, и родители уже не успевали после работы заниматься с сыном. Нужно было искать человека, который мог бы посвящать Артему все время с трех часов дня. Тенгиз пошел к завучу школы для серьезного разговора.

– Мальчику будет лучше в спецшколе, – говорила завуч, – он не справляется с нашей нагрузкой.

– Он справляется, – возражал отец, – ему легко учиться, он все схватывает с полуслова и запоминает с первого раза. Он решает в уме сложнейшие задачи по математике и физике. Единственное, что ему трудно, это читать и писать, ему нужно на это в десять раз больше времени, чем всем другим. Неужели из-за этого вы готовы лишить парня полноценного образования?

– Я могу пойти вам навстречу, – вздохнула завуч, – если вы мне скажете, что я могу сделать для Артема. Поверьте, мне и самой жаль было бы расставаться с ним, он чудесный мальчик и действительно очень способный. Я же беспокоюсь только о нем, поймите. Ребенку трудно, а в спецшколе ему будет легко.

– Я не хочу, чтобы ему было легко. Пусть ему будет трудно, но он не будет чувствовать себя инвалидом. Он будет таким же, как все.

– Вы хотите, чтобы ему было трудно, – повторила с улыбкой завуч. – А чего хочет сам Артем? Вы уверены, что он хочет этих трудностей?

– Уверен, – твердо ответил Тенгиз. – Артем – ребенок с необыкновенной силой воли и силой духа, он не хочет, чтобы к нему предъявлялись пониженные требования как к существу слабому и неполноценному. Он хочет быть равным среди зрячих, а не первым среди слепых.

– И какой выход вы видите?

– Ему нужен помощник. Человек, который был бы с ним все время после школы. Но я не хочу, чтобы это был взрослый человек. Артему не нужен гувернер или репетитор, ему нужен именно помощник. Это должен быть мальчик, который хочет немного подработать на карманные расходы. Или девочка, – добавил он, немного подумав.

– Я знаю, кто вам нужен, – сказала завуч. – В нашей школе есть замечательный мальчик, он на три года младше Артема по возрасту, а если считать по классам, то на один класс. Хотите с ним познакомиться?

Так в жизнь семьи Кипиани вошел Денис Баженов. По утрам он заходил за Артемом, и они вместе шли в школу. После уроков вместе возвращались. Разогревали приготовленный Екатериной обед и начинали заниматься. Денис делал все, что нужно, чтобы Артем мог приготовить домашние задания, и еще успевал сделать свои уроки. Задачи, правда, зачастую решал для него Артем, делая это в уме и диктуя Денису. Впрочем, начиная со второго года их совместного бытия проблема уроков Дениса стала совсем несложной, ведь все это он в прошлом году учил вместе со старшим товарищем. Артем научил своего помощника читать ноты, и тот помогал ему даже заниматься музыкой. В периоды тридцатидневных курсов общеукрепляющей терапии, которые

должен был регулярно проходить Артем, Денис исправно возил его на уколы.

Они стали неразлучны, они тосковали друг без друга, как тоскуют расставшиеся даже ненадолго близнецы. Родители Артема не могли нарадоваться на ответственного не по годам, доброго и умного Дениса, ежедневно благодаря судьбу за то, что она подарила им этого паренька. Они считали его своим вторым сыном, брали с собой на отдых, делали ему подарки и покупали одежду, не видя разницы между ним и Артемом. А сами мальчики словно забыли о том, что они далеко не ровесники. Этим летом Денис заканчивал десятый класс, Артем – одиннадцатый, но Артему было уже девятнадцать, тогда как его товарищу – только шестнадцать. Впрочем, о разнице в возрасте забыли не только они, ибо Денис был рослым и широкоплечим и рядом с худеньким невысоким Артемом выглядел чуть ли не старшим по возрасту.

Выпускные экзамены Артем не сдавал, Екатерине удалось получить справку об освобождении по состоянию здоровья, и мальчики были целыми днями предоставлены сами себе, дожидаясь августа, когда все вместе поедут к морю.

В тот день они сидели во дворе в тени раскидистого дерева, и Денис читал вслух очередной том Роберта Желязны, а Артем внимательно слушал, привычно крутя в руке шарик, чтобы разрабатывались пальцы, когда к ним подошел незнакомый человек.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он.

– Здравствуйте, – хором ответили мальчики и тут же рассмеялись своей синхронности.

* * *

Сергей Зарубин тоже рассмеялся, очень уж забавными выглядели взрослые парни, говорящие хором. Братья, что ли?

– Вы живете в этом доме? – осведомился он.

– Да, – и дружный кивок головами.

- И всегда отвечаете хором?

- Как придется, - сказал худенький. - А что?

- Ничего, просто спросил. Про взрыв слышали?

- Конечно, - тут же ответил второй, покрупнее. - Это же совсем рядом было.

- А сами не видели?

Возникла пауза, парни как-то странно переглянулись, и это Зарубину не очень-то понравилось.

- Я не видел, - сказал рослый парень. - И он тоже. А почему вы спрашиваете?

- Я ищу кого-нибудь, кто был в том месте незадолго до взрыва. Или во время взрыва, - пояснил Сергей, обращаясь к худенькому. Ему показалось, что тот находится в зависимости от своего более крупного товарища, и ему хотелось разделить их в разговоре. - Я из милиции. Взрывное устройство, которое подложили в машину, было радиоуправляемым, значит, должен быть человек, который нажал на кнопку, понимаете? А раз человек был, значит, кто-нибудь его видел. Не бывает такого, чтобы никто не видел. Ведь ты был там перед самым взрывом, верно?

- Был, - согласно кивнул худенький.

- И что ты там делал?

- Стоял. Его ждал. - Он кивнул на товарища.

- И что ты там видел?

Снова пауза. Сергей пытался поймать взгляд худенького парнишки, но ему это не удавалось, его глаза все время убегали куда-то.

- Там был мужчина, - наконец сказал он.

– Какой? Что он делал?

– Сидел на скамейке. Слушал Шотландскую симфонию Мендельсона. У него нога сильно болела, он совсем ходить не мог и попросил меня купить ему воды в палатке. Я купил. Вот и все.

Очень любопытно. Мужчина, у которого так сильно болит нога, что он не может ходить. И никто из опрошенных, подскочивших к машине сразу после взрыва, такого мужчину не вспомнил, хотя он должен был сидеть на скамейке и всем попадаться на глаза. Стало быть, он довольно быстро слинял с места происшествия. Нога как-то моментально болеть перестала. Неужели попал?

– Опиши, как он выглядел, как был одет, – попросил Зарубин.

И снова возникла пауза. На этот раз Сергей не стал мучиться в догадках.

– Ребята, что происходит? Почему вы так боитесь отвечать?

– Понимаете, Артем почти ничего не видит, – произнес рослый парнишка. – Он не любит, когда об этом догадываются.

– Как не видит? – оторопел Зарубин. – Совсем?

– Почти совсем. У него такая болезнь, при которой он видит только размытый силуэт и в очень узком поле.

– А очки почему не носишь? Стесняешься? – спросил Сергей Артема.

– Нет, – тот застенчиво улыбнулся, – при этой болезни очки не помогают.

– Значит, ты совсем ничего не можешь сказать про того мужчину?

– Голос я запомнил, у меня слух хороший. А как выглядел – не знаю. Даже не могу сказать, сколько ему лет.

– У него был магнитофон?

– Плейер.

– Откуда же ты знаешь, какую музыку он слушал? Он же был в наушниках, – удивился Зарубин.

– У меня слух хороший. Если близко стоять, то слышно даже через наушники. Он, наверное, солидный дядька, – задумчиво произнес Артем.

– Почему ты так решил? – насторожился Сергей.

– Молодежь Мендельсона не слушает, это не модно. Классику вообще только старшее поколение любит. А это была хорошая запись.

– Что значит «хорошая»? – уточнил оперативник. – Ты имеешь в виду качество записи?

– Нет, оркестр. Я такой записи и не слышал никогда. У меня Шотландская есть в исполнении Берлинского оркестра, Венского и нашего Большого симфонического. Ну и еще другие записи я слышал, только у меня их нет. Но то, что этот дядька слушал, это что-то особенное. Наверное, дирижер какой-то выдающийся.

– Да как же ты различаешь такие вещи? – изумился Зарубин. – По мне так, оркестр – он и есть оркестр, и музыка одна и та же.

– Просто вы музыкой не занимались, поэтому не умеете слышать. – Артем снова застенчиво улыбнулся.

– Послушай, а что насчет голоса этого мужчины? – спросил Сергей. – Если ты так хорошо слышишь, то, может быть, различил какие-нибудь особенности?

– Особенности... – Артем задумался. – Он медленно говорил. Но мне показалось это нормальным, потому что жарко было очень, в такую погоду все становятся медленными. Да, правильно, медленно и как будто с трудом, вот, знаете, словно у него язык распух и плохо во рту поворачивается. Я, наверное, поэтому и решил, что он старый уже. А он что, молодой?

– Не знаю, – признался Зарубин. – Если бы знал, не спрашивал бы у тебя. Артем, ты мне очень помог, но тебе придется еще раз побеседовать или со мной, или с моими коллегами. То, что ты рассказал, это важная информация, и ее нужно как следует обсудить и обдумать. Как мне с тобой связаться?

Сергей записал адрес и телефон Артема и протянул ему листок со своим номером телефона.

– Если что-нибудь еще вспомнишь, сразу же звони, хорошо? Меня зовут Сергей Кузьмич, можно просто Сергей.

– Мы позвоним, – подал голос второй парень. – Артем, нам пора в поликлинику.

В его голосе Сергею почудилось неудовольствие. Странно. Что такого он сказал или сделал, чтобы вызвать неприязнь этого рослого мальчишки? Надо исправлять положение, свидетель должен тебя любить, это непреложное правило сыщицкой работы.

– А тебя как зовут? – обратился он к парню.

– Денис.

– Ты брат Артема?

– Я его друг. Извините, Сергей Кузьмич, нам пора. Артему нужно делать уколы, а медсестра сердится, если мы опаздываем.

* * *

Многодневная жара изматывала людей, мешала думать и принимать решения и заставляла стремиться только к одному – к прохладе, пусть даже в ущерб работе и прочим важным вещам. Основной темой для разговоров стали передаваемые по радио и телевидению прогнозы и обсуждение степени их достоверности.

Настя Каменская сидела в кабинете Короткова и составляла вместе с ним план первоочередных мероприятий по раскрытию двойного убийства, совершенного минувшей ночью. Дышать было нечем, несмотря на распахнутое настежь окно, и они периодически открывали дверь в коридор, чтобы немного остыть на сквозняке.

- Гады, обещали же вчера, что сегодня будет на пять градусов дешевле. Опять обманули, сволочи, - ворчал Юрий, расстегивая еще одну пуговицу на рубашке и дуя себе на грудь, влажную от пота. - А оно все дорожает и дорожает. С утра на градуснике было уже двадцать девять, а сколько сейчас - даже подумать страшно.

- У погоды тоже инфляция, - улыбнулась Настя.

Она жару переносила на удивление легко, единственным неудобством были отекающие ноги, из-за чего она не могла надевать босоножки, и приходилось париться в теннисных туфлях.

- И еще обещали, что вчера будет гроза, - упрямо продолжал жаловаться Коротков. - Ну и где она? Уже сегодня наступило, а грозы все не видать. Дурят нашего брата, ой дурят!

- Не видать Красной Армии... - пробормотала Настя. - Слушай, Мальчиш-Плохиш, кончай ныть, а? Ты меня с мысли сбиваешь.

- Все-все, извини, - Коротков поднял руки. - Ася, мне идет, когда я молчу?

- Невероятно.

- Ладно, тогда побуду красивым.

И в этот момент зазвонил телефон.

Поговорив, Юра положил трубку и горестно вздохнул.

- Что случилось?

– Не удалось нам Коляна спасти, – сказал он. – Поступило указание подключаться к делу гражданина Дударева в порядке оказания практической помощи.

– Жалко. Ну, ничего не поделаешь. Кто у нас там следователем выступает?

– Борька Гмыря.

– Как Гмыря? – удивилась Настя. – Ты же мне другую фамилию вчера называл. Ермаков, что ли...

– Ермилов. Он возбудил дело как дежурный следователь, а потом Борьке передал. Ох, наплачется Колян от Гмыри, Борис Витальевич терпеть не может вести дела, которые не сам возбуждал. Ходит злой как я не знаю что и на всех свое настроение выплескивает. Между прочим, подруга любимая, тебя тоже чаша не минует. Одного Селуянова нам явно не хватит, так что тебе тоже придется поработать.

– Да я что, – рассмеялась она, – я завсегда с нашим удовольствием. Только чтобы никуда не ездить и нигде ноги не оттаптывать. Ну что, солнце мое незаходящее, сладостно командовать, а? По такой-то погодке поди-ка побегай по городу. А ты сидишь себе в кабинете и указания раздаешь.

– Сладостно, – согласился Коротков. – И еще я предвкушаю особое удовольствие, когда меня по начальству тягать начнут за вашу, господу подчиненные, плохую работу. Вам что, вы от меня выволочку получите, но даже не расстроитесь, потому как я один из вас, вы все меня сто лет знаете и, стало быть, не боитесь. В случае чего и послать меня можете по старой дружбе. А для вышестоящих товарищей я молодой, неопытный руководитель, которого нужно воспитывать и натаскивать, тем более когда он в самом начале пути остался без надзора, то бишь без Колобка. Ладно, будем жениха нашего искать.

* * *

Сергей Зарубин Селуянову понравился. Парень был энергичным, активным и любознательным, и Николай подумал, что, если Зарубин проработает в милиции хотя бы года четыре, он станет хорошим сыщиком. Вообще-то считается, что

хорошим сыщиком можно стать не меньше чем лет за десять, но людей, проработавших в уголовном розыске столько времени, сегодня днем с огнем не найдешь. Это надо быть Колобком-Гордеевым, чтобы собрать команду и удерживать ее около себя много лет. Но таких начальников, как он, еще меньше, чем опытных оперов.

Следователь Гмыря, против ожидания, совсем не злился на то, что ему передали чужое дело.

– Одно дело, когда мне передают материалы, с которыми кто-то не справился, и я понимаю, что нужно подчищать чужие ошибки, и совсем другое – когда это действительно производственная необходимость, точнее, правовая, – объяснил он Селуянову. – Мишка Ермилов не виноват, что подозреваемый оказался любовником его жены. Он грамотный следователь и наверняка с блеском провел бы дело. Но закон запрещает, против этого не попрешь.

Выслушав сообщение Зарубина об Артеме Кипиани, Гмыря задумался.

– Как мальчик-то, ничего? – неопределенно спросил он.

– Хороший парень, – уверенно ответил Сергей. – Толковый и вообще очень симпатичный.

Оперативники понимали, о чем сейчас размышляет Борис Витальевич. Информация Ермилова о том, что Дударев часто бывает на книжной ярмарке в «Олимпийском», требовала, чтобы и в этой огромной толпе, помимо других мест, выявлялись возможные связи подозреваемого. Работы навалом, а людей не хватает. И при раскрытии преступления приходится придумывать разные хитрые фокусы, направленные на сокращение объема работ. Выход напрашивался сам собой: вместо того чтобы тупо искать неизвестно кого по всей Москве, проще выпустить Дударева из камеры, чем-нибудь припугнуть как следует и посмотреть, кого он побежит предупреждать об опасности.

– Борис Витальевич, – осторожно сказал Зарубин, – он почти слепой. Разве мы имеем право вовлекать его в наши дела?

– Сколько ему лет, говоришь? – вместо ответа поинтересовался следователь.

- Девятнадцать.

- Ну вот видишь, он совершеннолетний. И никто его никуда вовлекать не собирается. Просто мы никому не скажем, что он ничего не видит, а его попросим быть внимательным и никому из посторонних не говорить о своей болезни, вот и все.

Селуянов тихонько хмыкнул. Гмыря, как и любой другой человек, не был лишен недостатков, но оперативники любили с ним работать, потому что Борис Витальевич в прошлом сам был сыщиком и понимал проблемы розыскников. Более того, он в отличие от многих следователей частенько шел на нарушения закона, не грубые, конечно, и не наносящие ущерба правосудию.

- Надо с родителями Артема поговорить, - предложил Сергей.

- Тоже правильно, - кивнул Гмыря. - Как говорится, для поддержки штанов. Но вообще-то, ребятки, об этом распространяться не следует. Узнают - по головке не погладят.

- Понял, не дурак, - весело откликнулся Селуянов.

- Кстати, я слышал, Каменская вернулась, - неожиданно сказал следователь. - Это правда?

- Истинный крест.

- Ты можешь попросить ее, чтобы она сходила к родителям этого парня?

- Да я сам могу сходить, труд невелик, - удивленно ответил Селуянов.

- Ага, ты сходишь. С тобой даже разговаривать не станут, как посмотрят на твою дурашливую физиономию. И Серегу нельзя засылать, молодой он еще, не сможет правильно построить разговор, если они упрутся начнут. А Каменская их уговорит. И потом, там же, как я понял, какой-то музыкальный вопрос, ни ты, ни Зарубин в этом ничего не понимаете, а я тем более. Зато Анастасия ваша - дамочка музыкальная, это я еще по делу Алины Вазнис помню. Она тогда с оперными либретто разбиралась.

– Нет проблем, Борис Витальевич, только вы бы сами позвонили нашему начальству, а? Моя просьба для Аськи – так, сотрясание воздуха. А вот ежели ей начальство прикажет, то она все сделает.

– Позвоню. Кто у вас там на месте сейчас?

– Коротков.

– Кто?!

Селуянов с трудом сдержал смех. Никто и ничто на свете не могло заставить его перестать шутить и веселиться, разыгрывать своих коллег или просто подначивать их. И непередаваемым удовольствием для него было в этот момент видеть, как исполненный собственной важности следователь Гмыря будет стоять перед необходимостью обращаться с просьбой к Юрке Короткову, которого он столько раз гонял как мальчишку.

– Почему Коротков? – спросил Гмыря недовольно. – Что, никого из руководства отдела на месте нет?

– А он и есть руководство. Его неделю назад назначили.

– А Жерехова куда?

– На пенсию. По собственному желанию.

Борис Витальевич внезапно расхохотался и хлопнул Селуянова по плечу.

– Ну и жук ты, Николай! Но меня не проведешь, сам таким был, когда опером работал. Хлебом не корми, дай только следователя уесть. Ладно, позвоню, корона не свалится. Как его отчество?

– Викторovich, – с готовностью подсказал Селуянов.

Гмыря набрал номер и откашлялся.

– Юрий Викторович, Гмыря беспокоит. Могу обратиться с просьбой?

* * *

К Екатерине и Тенгизу Кипиани Настя решила ехать в форме. Ей отчего-то казалось, что так будет проще разговаривать. Все-таки не мальчишка придет, а старший офицер.

Расчет оказался правильным, в форменных брюках, затянутых на тонкой талии, и в рубашке с подполковничьими погонами Настя выглядела одновременно необычно и привлекательно и вызывала доверие.

– Я не позволю втягивать моего сына в сомнительные мероприятия, – сразу же заявила мать Артема. – Он еще совсем ребенок.

– Он не ребенок, – тут же возразил Тенгиз. – Ему уже девятнадцать лет, он совершеннолетний. Если бы не зрение, он бы сейчас служил в армии и, вполне вероятно, находился там, где стреляют. Ему пора становиться мужчиной.

– Да какой он мужчина! Он только-только школу закончил! Нет, нет и нет.

Екатерина казалась непреклонной, но Настя поняла, что спорит она не с работником милиции и даже не с собственным мужем, а скорее сама с собой.

– Катенька, но ведь от Артема ничего особенного не требуется, – уговаривал Тенгиз. – Правда, Анастасия Павловна?

– Правда, – сказала Настя. – Мы не пытаемся привлечь вашего сына к своей работе. Мы могли бы вообще ничего вам не говорить, просто мы сочли, что будет неправильным не поставить в известность родителей. Мы только скажем подозреваемому, что его соучастника видели на месте происшествия и есть юноша, который его запомнил и может опознать. Ни имени этого юноши, ни тем более его адреса никому не скажут. Единственная неправда, которая будет иметь место, это утаивание информации о том, что юноша хоть и был на самом деле, но ничего не видел. И в связи с этим просьба к вашему сыну будет состоять в том, чтобы при незнакомых людях он старался не показывать, что плохо видит, вот и все. Я, честно говоря, никакой опасности здесь не вижу. Но

если вы против, то я не смею настаивать.

– Нет, – снова сказала Екатерина, но, впрочем, уже совсем нетвердо, – я боюсь за сына. Лучше мы сразу его увезем куда-нибудь. Возьмем отпуск и увезем.

– Да глупости ты говоришь! – вспылил ее муж. – Для чего мы с тобой тянули его столько лет, стараясь, чтобы Артем жил среди зрячих и вел полноценную, нормальную жизнь, какую ведут все зрячие? Для того, чтобы при первой же сложной ситуации признать его инвалидом и спрятать под крыло? Он мужчина и должен совершать мужские поступки. Пора отпустить его от своей юбки.

– Но он же ничего не видит... – слабо сопротивлялась мать.

– Ну хорошо, давай рассуждать здраво, – вздохнул Тенгиз. – Если бы он был полноценно зрячим, если бы дело касалось, например, Дениски, а не Артема, что бы ты сказала?

– Я бы сказала то же самое. Преступнику все равно, зрячий он или слепой, он найдет мальчика и попытается его убить. Я боюсь.

– Резонно, – заметил он. – Что вы можете на это ответить, Анастасия Павловна?

Настя поняла, что он взял на себя роль арбитра-посредника между своей женой и человеком из милиции. Он, как истинный хозяин положения, не допускает разговора втроем, он ведет отдельные беседы с Екатериной и с гостьей и в каждой из этих бесед старается занять лидирующее положение. Настоящий глава семьи, подумала Настя с улыбкой.

– Я полагаю, что такого рода опасности нет, – мягко ответила она. – Человек, которого мы хотим освободить, будет проинформирован о том, что есть некий свидетель. Об этом ему нужно будет сообщить другому преступнику, тому, который разговаривал с вашим сыном. Мы будем следить за всеми контактами подозреваемого, и, как только он встретится со своим сообщником, оба будут задержаны. У них даже не будет времени задуматься над тем, где и как искать вашего сына.

– Вы меня убедили, – решительно сказал глава семьи.

– А вашу жену?

– И ее тоже.

– Мне так не показалось, – осторожно возразила Настя.

Ей хотелось получить согласие обоих родителей, в противном случае могли возникнуть самые непредвиденные осложнения.

– Катя всегда разделяет мое мнение, – твердо произнес Тенгиз. – У нас с ней полное единодушие.

Екатерина молча кивнула в знак согласия, но взгляд у нее был какой-то затравленный.

– В таком случае мне нужно поговорить с вашим сыном. Последнее слово за ним. Может быть, он и сам откажется.

* * *

Артем стоял, прижав ухо к двери, и шепотом пересказывал другу все услышанное.

– Отец соглашается, а мама против, – сообщил он.

– А чего эта тетка хочет? – тихонько спросил Денис.

Он сидел на диване в одних шортах, влажная от пота майка висела на спинке стула перед вентилятором.

– Она хочет кому-то сказать, что я хорошо разглядел того мужика на скамейке.

– Зачем?

– Чтобы его напугать.

– А как она узнает, что это он? Ты же его не видел толком и не можешь рассказать...

– Тише! Потом обсудим, а то мне не слышно.

Какое-то время в комнате стояла тишина. Денис встал с дивана и на цыпочках подошел к вентилятору. Струи теплого воздуха обдавали обнаженное тело, и ему стало чуть полегче. Все-таки в том, чтобы не быть взрослым, есть свои преимущества. По крайней мере, в такую жару можно ходить в шортах, а взрослые, вынужденные отправляться на службу, должны натягивать на себя костюмы.

Внезапно Артем отскочил от двери и плюхнулся на диван, изобразив на лице скуку и рассеянность. В ту же секунду дверь комнаты распахнулась.

– Мальчики, идите сюда, – послышался голос Тенгиза. – С вами хотят поговорить.

Денис тут же двинулся к двери, но Артем остановил его.

– Майку надень, – шепотом подсказал он. – Неудобно, там же тетка чужая.

Денис послушно натянул непросохшую майку и поморщился. Одни неприятности от этой милиции.

Глава 3

Денис Баженов смотрел на гостью настороженно. Она ему не нравилась. Не нравилась уже по одному тому, что понимала, о чем говорит Артем. Он сам не понимал, а она понимала.

– Записи Берлинского, Венского и Большого симфонического оркестров я послушаю, – говорила женщина в милицейской форме, – но ведь наверняка существуют еще десятки других записей Шотландской симфонии. Мне нужны какие-то признаки, по которым я смогу отличить из этих десятков записей именно ту, которую ты слышал.

- А сам музыкальный текст вы знаете? - спросил Артем.

Денис приготовился злорадствовать. Он-то знает, что такое «музыкальный текст», Артем ему объяснял, а вот тетка эта может и не знать.

- Конечно, - улыбнулась она.

- Тогда я могу наиграть несколько фрагментов из первой части, по которым вы сразу отличите ту запись.

Артем открыл рояль, сел на крутящийся стул, взял несколько аккордов.

- Вот в этом месте, - он сыграл несколько тактов, - очень слышна медь. В других записях здесь ведут струнные, понимаете?

- Да, - кивнула Каменская. - Я запомню.

- И вот еще, - Артем снова заиграл, - здесь, наоборот, медной группы как будто совсем нет, слышны только скрипки.

- Я поняла. Ты давно занимаешься музыкой?

- всю жизнь. Сколько себя помню, столько и занимаюсь.

- Значит, когда ты только начинал, ты видел лучше, чем сейчас?

- Намного. Поэтому мне нетрудно играть, пальцы все равно знают, где какая клавиша, вся проблема только в нотах.

Денис чуть не позеленел от злости. Как она смеет! Как смеет заговаривать с Артемом о его слепоте! Ни сам Артем, ни его родители, ни Денис никому не позволяли обсуждать проблемы болезни, все дружно делали вид, что вопрос не стоит того, чтобы о нем говорить. Надо жить и работать, а не думать о болячках. Так учили Артема родители, так думал сам Артем и именно так приучил думать своего друга. Но Артем тоже хорош, почему он отвечает ей, вместо того чтобы резко оборвать и поставить на место, как делал всегда с одноклассниками?

– А как же с нотами? – спросила Каменская. – Наверное, ты не можешь читать с листа, тебе приходится разбирать вещь, как в начальных классах?

– По-разному. Первые минут десять я могу читать с листа, потом нужно отдыхать примерно полчаса: глаза сильно устают, и я вообще перестаю видеть. В эти полчаса мне Денис помогает, читает партитуру вслух. Правда, это медленно получается, я же вижу все нотные знаки одновременно, а он мне их называет по очереди. Но ничего, справляемся. Больше всего я люблю из головы играть, тут никакие ноты не нужны. Играю в свое удовольствие.

– А какие перспективы? Вылечиться можно?

Нет, этого Денис стерпеть уже не мог. Даже с ним, со своим ближайшим другом, Артем никогда не говорит на эту тему, хотя Денис полностью в курсе, дядя Тенгиз еще в самом начале объяснил ему все о болезни Артема раз и навсегда и предупредил, что тема эта запретна для обсуждения. Нужно делать то, что велят врачи, но никогда не обсуждать, потому что обсуждать тут нечего. Надо жить и работать, а не языком болтать.

– Перспектив нет, – сказал Денис громко и нервно, стараясь защитить друга, которому неприятно говорить об этом, – эта болезнь не лечится нигде в мире. Она ведет к полной слепоте. Некоторым везет, состояние стабилизируется, человек видит плохо, но с годами это не становится хуже. Просто замирает на одной точке.

Каменская внимательно посмотрела на него, и под этим взглядом Денису стало не по себе.

– Ты хорошо разбираешься в болезни Артема, – заметила она. – И как, по-твоему, есть надежда, что у него состояние стабилизируется?

Денис смягчился. Он сразу простил ее, эту чужую тетку в милицейских погонах, потому что теперь она разговаривала только с ним и задавала ему вопросы о том, чего сама не знала. Она тем самым признала его первенство и превосходство. И он готов был сейчас часами рассказывать ей о том, что такое атрофия зрительного нерва и к чему она ведет. Ведь он так много знал об этой болезни.

– Пока неизвестно, – ответил он. – Это становится понятным только годам к двадцати пяти, когда полностью заканчивается формирование организма. Если, конечно, к этому времени человек не теряет зрение полностью. У Артема в последние два года состояние не ухудшается, так что надежда есть, хоть и небольшая.

– Пусть не видят глаза, как прежде. Суть не в зрении, а в надежде, – задумчиво проговорила Каменская.

– Как вы сказали? – встрепнулся Артем.

Его глаза загорелись, он повернулся на своем вертящемся стульчике, на котором сидел перед роялем, и стал крутить головой, чтобы поймать Каменскую в то узкое поле, в котором еще мог что-то видеть.

– Это не я сказала.

– А кто?

– Ирина Астапкина, поэтесса и певица. Не слышал?

– Нет. Я в современном искусстве не разбираюсь.

– И даже не интересуешься?

Денису не понравилось, что разговор опять шел как-то мимо него, словно его здесь и не было. Надо это исправить.

– Артему неинтересна современная эстрада, – строго сказал он. – Он классику любит.

– Что ж, это похвально. Но это вовсе не означает, что не нужно интересоваться другими течениями. А вдруг в них обнаружится то, что тебе понравится?

Денис собрался было ответить что-то грубое насчет того, что нечего им указывать, чем интересоваться, но Каменская внезапно сама перевела разговор на другое:

– Значит, договорились, Артем? Мы сегодня вечером выпускаем на свободу человека, которого подозреваем в убийстве собственной жены. Мы думаем, что он не сам взорвал машину, у него был сообщник, и мы надеемся, что он захочет найти его и предупредить об опасности. Мы скажем ему, что есть свидетель, который видел и хорошо запомнил того человека на скамейке. Твоя задача – постараться не вступать в контакт с незнакомыми людьми, а если такое случится, не подавать виду, что ты плохо видишь. Я очень надеюсь, что твой друг тебе в этом поможет, во всяком случае, лучше вам все время ходить вдвоем.

– Мы и так все время вдвоем, – резко бросил Денис.

– И прекрасно. И еще одно. Пока мы не поймаем преступника, воздержись от упражнений с шариком.

– Почему? – удивился Артем.

– Потому что это очень яркая твоя примета. Тот человек на скамейке не обязательно хорошо разглядел твое лицо, зрительная память не у всех развита, и твою внешность он может и не вспомнить. А вот шарик он наверняка увидел и запомнил. Во всяком случае, мы тебя нашли именно по этой привычке играть с шариком, тебя запомнила продавщица, у которой ты покупал воду.

– Артему нужно тренировать пальцы, – снова встрял Денис. – И вообще, ему нужно все время что-нибудь крутить в руке. Это помогает ему сосредоточиться.

Каменская встала, и Денис с неудовольствием отметил, что она почти одного с ним роста, ну, может, чуть ниже, буквально на пару сантиметров. А с каким удовольствием он посмотрел бы на нее сверху вниз.

– И все-таки я попрошу вас обоих быть внимательными к тому, что я сказала. Если уж Артем согласился нам помочь, то вам придется прислушиваться к нашим советам. Не выносите этот шарик из квартиры, так будет лучше.

* * *

Начиная с утра понедельника, когда муж вернулся с дежурства, и до утра среды Ольга Ермилова твердила себе, что будет честной женой, если Михаил сумеет ее простить. Однако звонок Георгия заставил ее забыть обо всех данных обещаниях.

- Где ты? - спросила она сразу, едва услышав его голос.

- На улице. Меня только что выпустили.

- Значит, они поняли, что ты ни в чем не виноват?

- Да нет, выпустили под подписку. Надо заниматься похоронами, я все-таки муж, а в милиции у нас большие гуманисты сидят. Оля, ты можешь со мной встретиться?

- Где и когда?

- Прямо сейчас.

Конечно, она тут же побежала к старшему администратору отпрашиваться с работы и уже через полчаса сидела на длинной полукруглой скамейке возле памятника Пушкину. Георгий подошел через несколько минут. Лицо его было осунувшимся и небритым, под глазами залегли темные круги. Он молча поцеловал ее в щеку и сел рядом, глядя в сторону.

- Как ты? - спросила Ольга, не зная, с чего начать.

- Сама не видишь? Хорошего мало.

Георгий показался ей в этот момент чужим и незнакомым, и Ольге стало страшно. Почему она так уверена в его невинности? А вдруг?.. И в глаза не смотрит, отворачивается.

- Скажи... - Она запнулась.

- Что?

- Ты знаешь, кто это сделал?

- Понятия не имею, - он пожал плечами. - А ты что, думаешь так же, как этот придурок следователь? Думаешь, я убил жену, чтобы имущество не делить?

- Что ты, что ты, - торопливо заговорила она. - Я так не думаю, я верю тебе. Я знаю, что ты не убивал Елену.

- Вот именно. Меня в любую минуту могут засадить обратно в камеру, и вся моя надежда только на тебя. Ты должна мне верить, слышишь, Оля? Ты должна мне верить и помочь.

- Конечно, конечно, ты только не волнуйся, - Ольга ласково взяла его за руку. - Я все сделаю. Ты только скажи, что я должна делать.

- Найди хорошего адвоката. Пусть он займется моим делом.

- Но где же я его возьму? - растерялась она. - Я могу только прийти в юридическую консультацию и попросить. Я ведь не знаю, какой адвокат хороший, а какой нет.

- Не валяй дурака!

Георгий начал сердиться, и Ольга испугалась, что он сейчас встанет и уйдет.

- У тебя муж - следователь. Значит, есть друзья семьи, тоже следователи, они наверняка знают адвокатов. Ты что, спросить у них не можешь? У мужа спроси, в конце концов.

- Я не могу, - почти прошептала она.

- Почему?

- Он все знает.

- Откуда?

– Я ему сказала.

– Ты что, больная? Зачем ты это сделала?

– Я просила его помочь тебе. Это же он тебя арестовал. Я на все была готова, только чтобы тебе помочь.

Георгий наконец повернулся к ней, с трудом сдерживая изумление.

– Так это был он?

– Да.

– То-то я смотрю, меня сегодня уже другой следователь выпускал. Надо же, как бывает... Я и не знал, что это твой благоверный меня упек. А он, интересно, знал?

– Нет, он тоже не знал. Я только в понедельник ему сказала, когда он с дежурства вернулся.

– И как он? Сильно кричал на тебя?

– Да нет, – она слабо улыбнулась. – Почти не кричал. Так, немножко. Потом оделся и ушел на работу.

– А потом что?

– Ничего. Он со мной не разговаривает теперь. Молча приходит, молча уходит. Спит в комнате Валерки.

Некоторое время они сидели не разговаривая. Ольга с тоской думала о том, что теперь, наверное, все будет по-другому, а скоро и вовсе закончится. Она спешила на это свидание, представляя себе, как они будут бежать навстречу друг другу, обнимутся, Георгий будет ее целовать и держать за руки, как после долгой разлуки. А оказалось все совсем не так, он сидит чужой и далекий, разговаривает неохотно, цедит слова сквозь зубы, словно она в чем-то провинилась.

- Ты, наверное, голоден? – робко спросила Ольга.

- Не очень. Жарко, есть не хочется.

- Но ты же только что из тюрьмы. Тебе надо поесть. Пойдем куда-нибудь пообедаем, – предложила она.

Он молча встал и направился к выходу из сквера. Ольга поспешила за ним, на ходу соображая, куда бы его повести, чтобы кормили вкусно и чтобы обстановка его не раздражала.

В таком же молчании шли вниз по Тверской. Георгий не взял ее под локоть, как обычно, и от этого Ольга чувствовала себя приبلудной собакой, которая увязалась вслед за прохожим и боится, что тот заметит ее и прогонит.

Возле памятника Юрию Долгорукому стояли столики под тентами. Ольга знала, что, несмотря на непритязательный внешний вид, кормили здесь хорошо, потому что кухня была от ресторана «Арагви».

- Давай присядем, – сказала она, коснувшись руки своего спутника.

Георгий, все так же не произнося ни слова, свернул к столикам. Подошел официант, они заказали еду, и снова воцарилось молчание.

- Почему ты не разговариваешь со мной? – наконец не выдержала Ольга. – Разве я виновата в том, что случилось?

- Ты не виновата, – раздраженно ответил он. – Но я надеялся на твою помощь, ты единственный человек, на которого я могу рассчитывать. Вернее, я думал, что могу. А теперь выясняется, что ты совершенно беспомощна и не хочешь даже на пять минут напрячь мозги, чтобы придумать, как найти хорошего адвоката. Так как я могу после этого полагаться на тебя?

- Я найду тебе адвоката, – твердо пообещала Ольга. – Самого лучшего. Я сделаю все, чтобы тебя не посадили. Ты ведь не убивал Елену, правда?

Георгий отшвырнул вилку и залпом выпил сухое вино из белого пластикового стаканчика.

- Очень мило. Ты, выходит, сомневаешься? Так как я могу теперь вообще доверять тебе, если ты не доверяешь мне?

- Ну прости меня. - Ольга протянула руку, чтобы погладить его пальцы, но Георгий резко отшатнулся. - Я верю тебе, я люблю тебя, не сердись, что я спросила. Это я так, не подумала. Я не хотела тебя обидеть. Ешь, пожалуйста.

- Не хочу. Наелся. Доедай, и пойдем.

- Куда?

- Я - домой. А ты - куда хочешь. Ищи адвоката, если действительно веришь мне и хочешь помочь.

Ольга оставила недоеденное блюдо, и они направились к метро. По дороге Георгий по-прежнему молчал, а ей хотелось плакать. Она так ждала этой встречи... Лучше бы ее совсем не было.

На платформе они расстались. Георгию надо было ехать до «Красных Ворот», а Ольге - переходить на «Театральную».

- Ты больше меня не любишь? - удрученно спросила она на прощание.

- Не говори глупости, - быстро ответил он и вошел в вагон.

Двери закрылись, Георгий обернулся и посмотрел на нее через стекло. Ольга едва заметно взмахнула рукой и выдавила из себя улыбку.

По дороге на работу она с трудом сдерживала слезы. Однако к концу рабочего дня приняла решение: она сделает все, чтобы помочь Георгию, но больше не будет с ним встречаться, как встречаются любовники. С любовью покончено. Она останется с Михаилом. И даже если муж не сможет ее простить и потребует развода, она все равно не вернется к Георгию. Помочь - поможет, в лепешку разобьется, но найдет ему самого лучшего адвоката, и деньги найдет, чтобы

оплатить его услуги. И даже если нужно будет дать взятку, чтобы Георгия оставили в покое, она и это сделает. Он на нее положился, и она не имеет права его подвести, как нельзя подводить людей, которые попали в беду и для которых ты – последняя надежда. Как бы еще суметь заставить себя не любить его...

* * *

Денис часто оставался ночевать у Кипиани, остался он и сегодня. Родители Артема покормили их ужином и ушли в гости, велев мальчикам на улицу больше не выходить и развлекаться дома. Денис любил такие вечера, когда они с другом оставались вдвоем, а уходящий день словно окутывал их покрывалом настоящей и недоступной другим близости.

К вечеру жара почти не спала, дышать было по-прежнему нечем, и Артем нервно метался по квартире, отыскивая место, где удавалось поймать хотя бы слабый освежающий сквознячок.

– Хочешь, почитаем? – предложил Денис.

– Нет, спасибо.

– Тогда давай музыкой заниматься.

– Не хочу.

– А чего ты хочешь?

Артем помолчал и внезапно спросил:

– Какая она?

– Кто? – оторопел Денис.

– Эта женщина из милиции.

- Каменская?

- Ну да. Как она выглядит?

- Обыкновенно. А тебе зачем?

- Ни за чем. Хочу знать, какое у нее лицо. Мне неудобно было близко к ней подходить. Сколько ей лет?

- Да старуха она, почти как твои родители.

- Не может быть. Ты, наверное, не разобрался.

Денис вскипел. С какой это стати Артем интересуется женщиной из милиции? Кто она ему? Что она ему? Единственный человек, которым его друг имеет право интересоваться, это он, Денис.

- Очень даже разобрался. Она старая. Она подполковник уже, как же она может быть молодой?

- Ты прав. Она красивая?

- Да ты что? - Денис деланно расхохотался. - Уродка! Ни рожи ни кожи. Была бы она молодая и красивая, она бы себе нашла миллионера и жила бы с ним на Канарских островах. Понял?

Артем снова помолчал. Потом сказал задумчиво:

- У нее голос хороший. Низкий, хрипловатый.

- Ничего хорошего, - оборвал друга Денис. - Голос как голос.

- Нет, хороший. - Артем улыбнулся мечтательно. - И говорит она хорошо, спокойно так. Как будто колыбельную поет.

– Да что ты заладил про эту тетку! Давай лучше что-нибудь поделаем. Твой папа книжки новые принес, фэнтези. Хочешь, посмотрим?

– Не хочу. Давай просто посидим и помолчим, ладно?

Артем сел на широкий подоконник, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Денис, насупившись, уселся на полу рядом с окном. В первый раз за три года Артем отказался чем-то заниматься вместе. В первый раз за три года Денис Баженов перестал чувствовать свою постоянную, ежечасную и ежеминутную нужность Артему. Его пронзила такая душевная боль, о существовании которой он даже не подозревал. И все из-за какой-то противной тетки из милиции!

– Я пойду домой, – решительно заявил Денис, поднимаясь с пола.

Он ждал, что Артем начнет его отговаривать, ведь они условились, что сегодня ночуют вместе.

– Хорошо, – спокойно ответил Артем. – Позвони, когда дойдешь, уже поздно, я буду волноваться.

– Нечего за меня волноваться! – выкрикнул Денис, плохо контролируя себя. – За Каменскую свою волнуйся!

Он выскочил из квартиры, захлопнул за собой дверь и помчался вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. До своего дома, через три улицы, мчался бегом, стараясь не думать о друге. Однако стоило ему переступить порог квартиры, как все снова обрушилось на него...

У матери были гости. Как вчера и как позавчера. Как всегда. Еще одна женщина и трое мужчин, все уже прилично «взявшие».

– О, сыночек пожаловал! – радостно-удивленно завопила мать.

Она нетвердо держалась на ногах, плохо наложенная косметика поплыла, на платье виднелись пятна от какой-то жидкости – похоже, от томатного соуса. Денис попытался пройти в свою комнату, но мать преградила ему дорогу.

- Туда нельзя, миленький. Там занято.

- Опять? - недовольно спросил он.

- А что опять? Что опять? Ты же сам сказал, что не придешь ночевать. Сказал? Сказал, - ответила она сама себе. - Так чего ты вернулся? Никогда не даешь матери личной жизнью заняться. Вечно от тебя одни хлопоты. Иди лучше на кухню, покушай.

Денис побрел в тесную кухню, где было неубрано и пахло вчерашней едой. Есть ему не хотелось, он поужинал с Артемом. Но деваться все равно было некуда, его комната занята. Он налил себе остывшего чаю и стал пить, вяло откусывая кусочки засохшего печенья. Из комнаты матери доносились непристойные шутки и взрывы пьяного хохота.

«Никому я не нужен, - с тоской думал юноша. - Матери я всегда мешал, она только и думала, как бы от меня избавиться. А теперь я и Артему не нужен. Ему нужна эта тетка из милиции, она ему интересней, чем я. И почему я такой несчастный?»

На кухне появился один из гостей, Денис знал, что его зовут Володей и что он работает вместе с матерью в дэзе.

- Скучаешь? - осведомился Володя.

- Нет, - сдержанно ответил Денис. - Мне не скучно.

- А то выпей со мной, а? Ты уже взрослый, давай выпьем вдвоем, по-мужски.

- Не хочу, отстаньте, - огрызнулся Денис.

- Как это отстаньте? - возмутился гость. - Ты как со старшими разговариваешь? Алевтина! - заорал он. - Подь сюда, ну-ка построй своего пацана! Что это он себе позволяет?

Мать тут же вылетела из комнаты, путаясь в собственных ногах.

- Что у вас тут случилось? Денис, ты как себя ведешь?

Его покорило, что мать даже не стала выяснять, что произошло, а сразу кинулась его обвинять. Конечно, для всех он плохой, никому не нужный, как брошенная старая кукла с оторванными ногами. Для матери на первом месте ее мужики и ежедневные попойки, для Артема – Каменская. А как же он, Денис?

- Да пошли вы все!

Он сорвался с места и выскочил из квартиры. Вышел на улицу и медленно пошел в сторону перекрестка. Ну и что дальше? Куда идти? Кому он теперь нужен?

В горле стоял ком, он мешал дышать и думать. Кажется, он даже двигаться мешал. Было еще совсем светло, в июне темнеет поздно, и Денису чудилось, что все прохожие видят, как ему плохо, и смеются над ним, никому не нужным и никем не любимым. Такого горя, как сейчас, он не испытывал никогда прежде и совершенно не знал, что с этим делать. Неужели на сердце теперь все время будет такая тяжесть и навсегда уйдет радость и желание жить?

В какой-то момент он перестал видеть окружающее, но даже не заметил этого.

- А ты почему плачешь? – услышал он чей-то голос и только в эту секунду понял, что слезы застилают глаза.

Он попытался вытереть лицо, но сильная рука ухватила его за запястье. Денис попробовал вырваться, но рука его не отпускала.

- Что вам надо? – всхлипнул он совершенно по-детски.

- Мне – ничего. Но я могу тебе помочь. Хочешь? Я даже не буду спрашивать, кто тебя обидел и отчего ты плачешь, я просто сделаю так, что ты перестанешь плакать и снова начнешь радоваться.

Денис наконец сморгнул слезы и снова обрел способность видеть. Перед ним стоял невероятно худой, нескладный парень в очках с толстыми стеклами.

- Наркоту будешь предлагать? – подозрительно спросил Денис.

Родители Артема тысячу раз предупреждали их о таких вот «помогальщиках», которые вроде бы протягивают руку помощи в трудную минуту, а потом подсаживают на иглу – и конец. Денис уроки накрепко усвоил. Он очень боялся за свое будущее, боялся с самого детства, когда на его глазах мать сдавала в Дом ребенка сначала младшего братишку, потом сестренку. Оба они страдали болезнью Дауна, и Денис был уверен, что это – прямое следствие того образа жизни, который вела их беспутная мамаша. Он каждый день благодарил судьбу за то, что успел родиться раньше, чем мать окончательно пропила свое здоровье, и старался сделать все, чтобы не повторить ее путь. Хорошо учиться, набираться знаний, поступить в институт и сделать свою жизнь своими руками. Вырваться из этого затягивающего бесконечного круга, когда у пьющих родителей рождаются дети, которые растут без надзора, не получают образования, не находят себя и тоже начинают пить, и у них тоже рождаются дети... Пил дед матери, пил ее отец, пила она сама, не говоря уж о том случайном мужике, которому выпало стать его отцом. Денис Баженов делал все, что только способен был придумать его детский ум, чтобы сохранить себя и чего-то добиться. И слово «наркотики» было для него поистине страшным, ибо ставило под угрозу все то, что с таким невероятным трудом делалось все эти годы.

– Наркотики? – Кажется, парень в очках изумился очень искренне. – Нет, зачем же. Есть кое-что получше.

– Что? – недоверчиво спросил Денис.

– «Ключ».

– Какой ключ? От квартиры, где деньги лежат?

– От тебя самого. От твоей души и от твоих мозгов. Есть способ, при помощи которого ты сможешь управлять собой и никогда не будешь плакать, если сам того не захочешь. Тебе интересно?

– А это не химия? – Дениса не оставляли подозрения.

Но, с другой стороны, деваться ему все равно некуда, Артем его уже не ждет, не домой же возвращаться, где он лишний и нежеланный. Может, и правда

послушать?

– Нет, это не химия. Если у тебя есть полчаса, я покажу тебе самые простые вещи, чтобы ты имел общее представление. Так как?

– Валяй, показывай, – вяло согласился Денис.

– Тогда пойдём куда-нибудь...

– Куда? – снова насторожился Денис. – Я никуда не пойду.

– Да не бойся ты! – Парень рассмеялся. – Я же не на квартиру тебя зову. Можем и здесь позаниматься, но здесь люди ходят. Тебе же самому неудобно будет. Вон там скверик есть, пойдём туда.

В скверик можно, решил Денис. Там за углом, на перекрестке, «стакан» с гаишником, если что, можно позвать на помощь.

Они дошли до скверика, и Денис сразу плюхнулся на скамейку.

– Ну давай, показывай свой ключ.

– А ты чего уселся? – насмешливо спросил парень в очках. – Думаешь, ты будешь сидеть, а я тут перед тобой буду мировые секреты раскрывать? Так не пойдет. Ну-ка вставай.

– Зачем?

– Вставай, вставай. Любое полезное дело требует труда. Поднимайся и делай разминку.

– Какую еще разминку? – опешил Денис.

– Обыкновенную. Наклоны, растяжки, приседания. Как на уроке физкультуры.

– Зачем?

- Ты хочешь получить ключ или нет? Тогда делай, как я говорю.

В конце концов, в разминке не было ничего плохого и опасного. Денис поднялся и нехотя сделал несколько упражнений.

- А теперь встань прямо, вытяни руки перед собой и сосредоточься. Представь, что руки расходятся в разные стороны, как крылья.

- Зачем? - снова спросил Денис.

- Не спрашивай, а делай, если хочешь себе помочь. Только не старайся сам двигать руками. Это особые идеомоторные движения, полуавтоматические. Представляй изо всех сил, даже приказывай им расходиться, а мышцы оставляй расслабленными.

Денис вытянул перед собой руки и попытался сосредоточиться. Руки не двигались.

- И дальше чего? - недовольно спросил он.

- Ничего. Стой и приказывай рукам разойтись в разные стороны.

- У меня не получается.

- Ну и что? С первого раза ни у кого ничего не получается. Надо тренироваться. Ну-ка дай я тебя пощупаю.

Парень положил обе руки на плечи Дениса возле шеи и помял немного.

- Чего ж ты такой зажатый, а? Сделай еще пару упражнений или потрясись немного, как в рок-н-ролле, сбрось напряжение.

- Слушай, ну чего ты пристал? - сердито сказал Денис.

- Я пристал? Это ты шел по улице и ревел, как будто у тебя все близкие поумирали. И ты сам захотел себе помочь. Неужели ты так быстро сдаешься?

Мне казалось, ты должен быть упорным.

Денису стало неловко. В самом деле, не годится так быстро сдаваться. Спешить все равно некуда. Он сделал несколько энергичных наклонов в стороны и вперед, потом начал приседать.

– Хватит? – спросил он после десятого приседания.

– Хватит. Теперь все сначала. Стой прямо, расслабленно, руки перед собой.

Денис снова принял стойку и вытянул руки. И через какое-то время понял, что не чувствует рук. Они стали легкими, невесомыми, и держать их в таком положении было совсем нетрудно. Он даже не успел удивиться, когда понял, что руки начали какое-то неведомое движение.

– Пошло-пошло-пошло, – заговорил парень в очках, – есть движение! Есть! Не останавливайся, продолжай, продолжай.

Руки плавно разошлись в разные стороны.

– А теперь сразу же давай им команду двигаться обратно! Руки сходятся, руки сходятся.

«Руки сходятся, руки сходятся», – повторял про себя Денис, и руки действительно пошли в обратном направлении.

– Отлично! И теперь снова команда расходиться.

На этот раз руки пошли в разные стороны легко, и Денису показалось, что движение было более сильным и быстрым, во всяком случае, в его крайней точке даже лопатки сошлись. Он не понимал, что с ним происходит, но его охватил восторг от этого легкого и в то же время широкого движения, которое происходило не мышечным усилием, а одним лишь велением его воли. Еще одно движение руками туда и обратно, и у него возникло ощущение полета. Руки плыли, как крылья, а в голове не было ничего, кроме мысли об этих летящих без его усилий руках.

– Достаточно, остановись, – скомандовал худой очкарик. – Сделай снова несколько разминочных упражнений.

– Каких именно? – уточнил Денис.

В нем проснулся интерес, и теперь ему хотелось делать все по правилам.

– Любых. Твое тело само подскажет тебе, какие нужно делать движения. Ты только прислушайся к нему и делай.

Денис приготовился и начал гнуться назад, будто пытаюсь встать на «мостик». Спина гнулась легко, и он удивился этому. Никогда на уроках физкультуры он не любил гимнастику, «мостик» делал, только когда требовал учитель, сам же он с гораздо большим удовольствием играл в волейбол и бегал на длинные дистанции.

– Вот видишь, – прокомментировал его новый знакомый, – твое тело тебе подсказало, что нужно разминать позвоночник, в нем накопилась всякая гадость.

Денис выполнил упражнение несколько раз и с наслаждением стал наклоняться вперед, наклонялся глубоко, стараясь коснуться лбом колен.

– А теперь что?

– Теперь встань прямо, руки висят свободно. Сосредоточься и прикажи им подниматься. Все то же самое, что и раньше, только движение не назад и вперед, а вверх и вниз.

Это задание Денис выполнить не смог и ужасно расстроился.

– Я потренируюсь и добьюсь, у меня обязательно получится, – горячо заговорил он.

– А вот этого не надо, – неожиданно заявил очкарик.

– Как это не надо? Ты же сам сказал, что надо быть упорным.

- Не в этом смысле. Сама идея «ключа» состоит в том, что человек делает только то, что у него получается и что доставляет удовольствие. Существует несколько видов движений, человек пробует выполнить каждое из них и решает, какое получается лучше и легче. Вот это движение и становится его «ключом». Всех нас всю жизнь насилуют, заставляя делать то, что нам не нравится или не получается, и убеждают нас, что это необходимо и воспитывает волю. А это неправильно. Жизнь должна приносить радость.

- Ну ты загнул, - фыркнул Денис. - Так не бывает, чтобы одни удовольствия. Если бы можно было себя ни в чем не заставлять, то все были бы неучами и никто бы не работал. Скажешь, нет?

- Скажу - да. Но идея в том, чтобы делать все это с радостью, чтобы то, что делать необходимо, уметь делать без натуги и без принуждения. Помнишь, как нас в школе учили? Свобода - это осознанная необходимость. Как только ты поймешь, что что-то совершенно необходимо сделать и не сделать просто нельзя, ты с легкостью это сделаешь, потому что уже не сможешь иначе. Ты сам, понимаешь, сам осознал и сам пришел к выводу, что это необходимо сделать. А это уже совершенно другой уровень принуждения. Это уже свобода. Ты сам принимаешь решение и сам его выполняешь. Но это философия. А мы с тобой сейчас говорим о «ключе» и о том, как тебе помочь. Кстати, ты заметил, что ты сейчас делаешь?

- А что я делаю?

Денис огляделся, посмотрел на свои руки, не понимая, о чем говорит этот странный очкарик, и обнаружил, что мерно покачивается из стороны в сторону. Он даже не заметил, когда начал покачиваться, это было словно естественным состоянием тела.

- Ты качаешься. Это означает, что ты достиг того состояния легкости, при котором можно осознать свою проблему и найти новый, нетривиальный путь ее решения. Надо только сесть, расслабиться и немного отдохнуть. И решение придет само.

- Свистишь! - откликнулся Денис. - Так не бывает.

– А ты попробуй. Сразу, конечно, ничего не бывает, но на третий или четвертый раз у тебя получится. Запомни последовательность: небольшая разминка, потом летаешь, потом снова разминка, снова летаешь, уже подольше, потом стоишь, покачиваясь, потом сидишь и отдыхаешь.

– А сколько нужно летать?

– Сколько хочешь. Ты сам выбираешь, что и как тебе делать. Пока хочется – летай. Пока хочется – качайся. Помни, твой организм и твой мозг сами знают, сколько чего нужно делать, ты должен научиться их слышать и понимать, они сами подскажут. Пока упражнение доставляет удовольствие, его надо делать, как только организм поймет, что уже достаточно, ты сам захочешь остановиться.

– И зачем все это? Как это может мне помочь?

– Ты научишься управлять своими эмоциями. Ты научишься не злиться и не раздражаться по пустякам, когда это мешает нормальной работе. Ты научишься не уставать. Давай договоримся: ты попробуешь позаниматься сам несколько дней, и если ты поймешь, что тебе хочется узнать побольше и научиться еще чему-то, ты придешь в одно место, где проводят специальные занятия. А если не захочешь – что ж, будешь пользоваться только тем, чему я тебя научил. Это тоже очень много, ты сам почувствуешь, когда начнешь заниматься. Я хочу, чтобы ты запомнил одну истину: если ты не научишься управлять собой, тобой будут управлять другие.

Он взглянул на часы и покачал головой.

– Половина двенадцатого. Давай-ка по домам, дружок. Вот тебе карточка, надумаешь – приходи.

Он сунул Денису маленький картонный прямоугольник и помахал рукой на прощание.

– Эй, – крикнул ему вслед Денис, – а как тебя зовут?

– Вадим. Пока.

Он снова взмахнул рукой и заторопился к остановке троллейбуса. Денис медленно побрел к тротуару и только тут сообразил, что за время, проведенное с этим странным парнем, он ни разу не вспомнил ни о предательстве друга, ни о пьянице-матери, ни о том, что он никому не нужен. Более того, он вдруг понял, что ему вовсе не хочется об этом думать.

И куда же ему деваться? Домой он не пойдет, это очевидно. Но время близится к полуночи, оставаться на улице уже опасно. Может быть, Артем еще не лег?

Денис быстро пробежал несколько сот метров до дома, где жил его друг, и взглянул на окна. Они были темными – наверное, Артем уже спит. Он подошел к подъезду и сел на скамейку. Теперь уж точно идти некуда. Можно пересидеть здесь до утра... Он вспомнил недавнего знакомого и улыбнулся. Как смешно все это: руки сами летают, тело само качается, похоже на волшебство. И злость ушла, и горечи больше нет. Надо завтра же рассказать Артему об этой встрече и показать ему упражнение. Теперь им снова будет о чем говорить и чем заниматься вместе. Против этого никакая Каменская из милиции не удержится!

– Дениска? – услышал он совсем рядом голос Тенгиза. – Что ты здесь делаешь? Почему ты не с Артемом?

– Я... – Он растерялся и попытался на ходу придумать какую-нибудь правдоподобную ложь. – Я матери позвонил, а она попросила прийти, ей надо было помочь там... В общем, я сходил домой, а когда вернулся, было уже поздно и окна не горят. Я подумал, что Артем уже спит, не захотел его будить. Сидел тут, вас ждал.

– Пойдем, пойдем, – Екатерина потянула его за руку, – уже поздно, пора спать. Слава богу, что с тобой ничего не случилось. По вечерам столько хулиганья по улицам шатается.

От этих слов ему стало тепло и немного грустно. Они так заботятся о нем, переживают, чтобы с ним ничего не произошло. Наверное, они действительно любят его. И как он мог совсем недавно отчаиваться и думать, что никому не нужен и никто его не любит? Дурак он.

Они вошли в квартиру. Денис на цыпочках подошел к комнате Артема и тихонько приоткрыл дверь.

- Мама, ты? – тут же позвал Артем.

- Это я, – вполголоса ответил Денис и быстро проскользнул в комнату.

- Ты вернулся? Я думал, ты обиделся на меня за что-то. Ты так быстро ушел и ничего не объяснил.

- Мне домой надо было сбегать. Пришлось задержаться. Я тебя разбудил?

- Нет, я еще не спал. Ложись. Ты какой-то не такой, Денис. Что случилось?

Денис в очередной раз подивился невероятной, просто мистической чуткости своего друга. Он плохо видел, зато чувствовал людей как локатор, по одному сказанному слову умел угадывать настроение.

- Случилась одна интересная вещь. Я тебе завтра расскажу.

- Расскажи сейчас, – потребовал Артем.

Он привстал на кровати и включил свет. Радости Дениса не было предела. Артем снова повернулся к нему, он хочет с ним разговаривать, ему интересно, что расскажет Денис. Какая там Каменская! Он сейчас вообще про нее забудет.

Денис вытащил из кармана карточку, которую дал ему Вадим. На ней было написано: «Доктор Хасай Алиев. Центр защиты от стресса. Телефон 180-27-27».

- Значит, так... – начал он, предвкушая долгий неторопливый разговор, который продлится полночи, а может быть, и до утра. Именно так бывало раньше, и именно эти часы были самыми счастливыми в его жизни.

На улице стояла жара, а в офисе было тихо и прохладно, работал мощный кондиционер. Варфоломеев с удовольствием приходил сюда каждый день и с неохотой выходил, стараясь сократить все встречи вне офиса. И сегодня, несмотря на риск, он тоже встречался с заказчиком здесь, хотя по уму не надо было бы этого делать. Но что поделаешь, не приспособленным к жаре в городских условиях москвичам приходилось порой идти на поводу у погоды вопреки разуму.

– И что твой козел наколотый натворил? Перед мальчишкой засветился, как салага. Выкручивайся теперь как знаешь.

Варфоломеев поежился. Он знал, что с этим типом шутить не надо, он юмор плохо понимает, а как человек в погонах – еще и неисполнение команды не приветствует. Он прав, конечно, Костик сработал плохо, ну а чего же он хотел от наркомана-то? Должен был понимать, с кем связывается. Хотя, по совести сказать, связывался заказчик вовсе не с наркоманом Костином, а с ним, Варфоломеевым. Другое дело, что никого, кроме наркоманов, он предложить заказчику не мог... Хотя нет, врет он, сам себе врет, мог найти и нормального парня, но пожадничал, нормальному-то за выполнение работы одну сумму платить придется, а подсевшему на иглу – во много раз меньшую. Подсевшие торговаться не могут, они все деньги на дозы пересчитывают. Вся Россия на доллары, а они – на дозы. Назовешь им сумму, они прикинут, сколько недель или месяцев смогут жить без проблем, и соглашаются. Вперед больше чем на два-три месяца смотреть не могут, внутренней силы не хватает, им лишь бы только сейчас хорошо было, а насчет завтра – дело десятое, а уж что там будет через год – вообще обсуждать нечего. На этом весь наркобизнес держится, человек теоретически знает, что в конце концов деградирует и умрет, причем очень быстро, оглянуться не успеет, но желание получить кайф сейчас куда сильнее смутных и неприятных перспектив, о которых, кстати, легко забываешь, приняв дозу.

Варфоломеев еще утром, после телефонного звонка заказчика, приказал найти Костика и спросить, что он натворил. Заказчик по телефону никаких подробностей не дал, сказал только, что Костик сработал плохо и засветился. Тот и не думал отпираться, он пребывал в состоянии полной душевной благодати и совершенно не понимал, что такого особенного сделал. Задание же он выполнил? Выполнил. Жарко было, пить очень хотелось, но не покидать же пост. Вот и попросил пацана, который неподалеку прогуливался. Приметы? Да черт его знает, он и не рассматривал его особо, шарик крутил в руке, да ловко так,

будто циркач. Сказал, что пианистом быть хочет. Почему не рассматривал? Да потому что все внимание к машине было приковано, объект же в любую секунду мог появиться, тут отвлекаться нельзя. И потом, разве он знал, что лицо нужно запомнить? Такой команды не было. Не сварить с Костиком каши, это Варфоломеев уже понял.

– Согласен, – выдавил он, – моя вина. Готов сделать все, чтобы исправить.

– Именно что, – хмуро кивнул заказчик. – Значит, так, уважаемый. Там мальчишка какой-то был лет семнадцати, примет никаких нет, но Костик твой, козел наколотый, должен его помнить. Мальчишка вертел в руках красный шарик, вроде пальцы тренировал. Мальчишку надо найти и успокоить. Костика, кстати, тоже. Ты понял меня, Варфоломеев?

– Понял я, понял. Сделаем.

– И чтобы на этот раз без ошибок.

Проводив гостя до двери, Варфоломеев вернулся в свое кресло, посидел некоторое время, задумчиво затягиваясь тонкой черной сигарой, потом нажал кнопку на пульте. Тут же в дверь заглянул мордастый охранник.

– Витю найди мне быстренько, – велел Варфоломеев.

Охранник исчез. Ровно через сорок минут перед Варфоломеевым стоял Виктор – человек, ответственный за подбор продавцов для розничной торговли.

– Звали, Антон Федорович?

– Звал. Прикажи всем, кто у тебя на улице работает, пусть высматривают мальчишку лет семнадцати с красным шариком.

– Что за шарик?

– Маленький, сантиметров пять в диаметре. Он им пальцы тренирует, пианистом хочет быть. Все время в руке вертит. Кто увидит мальчишку, пусть немедленно идет за ним и выясняет, кто такой и где живет. Премию пообещай хорошую.

Надо этого пианиста найти во что бы то ни стало, и побыстрее. И вот еще что, Витя. Насчет Костика...

* * *

Сводки наружного наблюдения за Дударевым регулярно ложились на стол Короткова, и становилось понятным, что работы с каждым днем прибавляется. Если бы еще и рабочие руки прибавлялись с такой же скоростью... Георгий Николаевич вел весьма активный образ жизни, он не только занимался похоронами убиенной супруги, но бывал во множестве мест и встречался со множеством людей. Один из них был тем единственным, кого хотели отловить оперативники. Но кто именно?

Коротков посматривал в список фирм и учреждений, которые посетил Дударев, и после звонков Селуянова и Зарубина отмечал галочками отработанные. Одна из этих контор была строительной фирмой, и Селуянов выяснил, что Дударев приезжал туда, чтобы расторгнуть контракт на перестройку загородного дома. Другая контора занималась оказанием ритуальных услуг, там неутешный вдовец договаривался об автобусах, которые повезут останки и провожающих от морга до кладбища. Во все остальные организации Георгий Николаевич приходил узнать насчет работы. Так, во всяком случае, утверждали сотрудники этих контор.

– В каком-то одном месте нам сказали неправду, – подытожил Коротков. – Или мы что-то просмотрели. Дударев обязательно должен был встретиться со своим сообщником, чтобы предупредить его. Давайте смотреть отчеты с самого начала. Когда и где он звонил из автомата?

Зарубин полистал сколотые скрепкой отчеты наружников.

– Об автомате только одно упоминание, сразу после освобождения, но через сорок пять минут после этого он встречался со своей любовницей Ольгой Ермиловой, так что звонил он наверняка ей. Иначе откуда бы она узнала, что его выпустили и что он ее ждет у памятника Пушкину?

– И больше ни разу автоматом не пользовался? – переспросил на всякий случай Коротков.

- Наружка не зафиксировала.

- Может, пропустили? - предположил Селуянов.

- Может, - вздохнул Юрий, - но придется исходить из того, что есть. Сережа, посмотри отчеты техников еще разочек, только повнимательней. Кому он звонил из дома?

Сергей Зарубин снова зашелестел бумагами.

- Родителям Елены Петровны - четыре раза. В ее фирму - раз, два, четыре... девять раз в общей сложности. Это все насчет похорон, все расходы берет на себя «Турелла», они там согласовывали, сколько человек будет на поминках, в каком ресторане и какое меню. Дважды звонил на службу Ермиловой, спрашивал, нашла ли она адвоката. Очень гневаться изволили, что так долго.

- Ишь ты, - присвистнул Селуянов, - грамотные стали все, прямо как в Америке. Только успел совершить преступление, а уже об адвокате позаботился.

- Еще звонил трем армейским сослуживцам, сообщал о несчастье, они собираются быть на похоронах.

- Вот это уже интересно, - поднял голову Коротков. - Дударев, по нашим сведениям, в последние годы службы имел доступ к взрывчатым веществам. Если эти сослуживцы, как и он сам, были в Чечне и с ними наше государство обошлось так же сурово, как и с Дударевым, то они вполне могли заняться криминальным бизнесом, в частности, брать заказы на убийства. Они все будут на похоронах?

Зарубин пробежал глазами текст сообщения и кивнул:

- Да, все трое.

- Отлично. Похороны у нас, как я понимаю, завтра в одиннадцать. Коля, Сережа, это ваш участок. Посмотрите, как там и что. А конторами, которые посетил наш уважаемый фигурант, придется заняться тебе, подполковник.

– Минуточку-минуточку! – закричал Селуянов. – А как же я? У меня же завтра свадьба, вы что, забыли? Какие могут быть похороны?

– Ну Коля, свадьба-то у тебя когда? В три часа. Похороны наверняка раньше закончатся. А в ресторане, где будут проходить поминки, я тебя сменю. Мы там с Серегой вдвоем управимся.

– Нет, ребята, так не пойдет, – упрямо сказал Селуянов. – Вы завтра будете до позднего вечера торчать возле этих поминок, а кто же у меня на свадьбе будет? Аська, ты же здесь старшая по званию, употреби власть хоть раз в жизни на пользу общему делу.

Настя улыбнулась и, протянув руку, взъерошила волосы на голове Николая.

– Коленька, ситуация у нас пиковая, и изменить ничего нельзя. Мы же не можем потребовать, чтобы Дударев отменил похороны собственной жены, правильно? И предложить тебе перенести бракосочетание на другой день мы тоже не можем. Единственный выход, который существует только теоретически, состоит в том, чтобы найти еще двух оперативников, которые завтра будут весь день заниматься Дударевым вместе с Сережей, а ты и Юрик будете гулять на свадьбе.

– А ты? – тревожно спросил Николай.

– Ну и я, конечно, куда ж я денусь. Так что вопрос нужно задавать не мне, а нашему с тобой общему начальнику Короткову. Есть у него в отделе двое оперативников, которых можно снять со всех заданий и направить завтра на кладбище и в ресторан?

– Размечталась, – усмехнулся Юра. – Где ж их взять? Наш подполковник Аська права, выход существует чисто теоретически. Но по опыту могу сказать, что если похороны начинаются в одиннадцать и проходят без гражданской панихиды, то к часу дня процедура захоронения обычно заканчивается, после чего все дружной толпой двигают к поминальному столу, и длится все это часов до семи вечера. Это максимум. Так что ты, Николаша, вполне успеваешь к трем часам под венец, а я не позже восьми прибываю к праздничному застолью.

- Но ты же у меня свидетелем должен быть! - в отчаянии воскликнул Селуянов. - Ну ребята, ну я не знаю прямо... Садисты вы! Человек наконец женится после стольких лет мучений, а вы все хотите порушить.

- Коленька, давай я буду твоим свидетелем, - предложила Настя. - Какая тебе разница?

- Это неприлично! Ты что? У невесты свидетелем выступает женщина, а у жениха - мужчина.

- Кто это сказал? - осведомилась она. - Где это написано?

- Так принято, - безапелляционно заявил Коля. - Так все делают.

- А ты сделаешь иначе. Правил на этот счет никаких нет.

- Валюшка расстроится, - он печально махнул рукой. - Она любит, чтобы все было по правилам.

- Коля, не надо себя обманывать, - сказал Коротков, - твоя Валентина сама работает в милиции и наши трудности понимает, как никто другой. В конце концов, молодая девушка, которая научилась водить машину раньше, чем ходить и разговаривать, и которая гоняет на ней не хуже заправского автогонщика, это тоже не по правилам. Кстати, друг мой, почему бы ей не пойти работать в ГАИ? Ей же нарушителя догнать и задержать - раз плюнуть. А она у тебя в паспортной службе отсиживается.

- Еще чего! - возмущенно откликнулся Селуянов. - Так я и пустил ее в ГАИ. Пусть в паспортном сидит, мне спокойнее, а то ведь испереживаюсь весь, не случилось ли с ней чего. Ладно, гады, уломали вы меня. Только если похороны к двум часам не закончатся, я все равно оттуда слиняю, мне еще переодеться надо перед регистрацией.

- Закончатся, не волнуйся, - успокоил его Коротков.

* * *

Взяв список фирм и учреждений, которые посетил выпущенный из-под стражи Георгий Дударев, Настя Каменская составила график, согласно которому она будет эти места отрабатывать. В первую очередь она обзвонила их и узнала, кто работает в субботу и в воскресенье, кто – только в субботу, а какие из них открыты лишь по будним дням. Закрытыми по выходным дням оказались государственные структуры, и с ними нужно было успеть разобраться еще сегодня, в пятницу. Посмотрев на часы, она поняла, что ехать домой краситься и переодеваться бессмысленно, она потеряет уйму времени и после этого мало куда успеет. Но появляться в конторах в том виде, в каком она привыкла ходить на работу, тоже глупо. Имидж не тот. Еще раз взглянув на адреса, где ей необходимо было сегодня побывать, она решила, что целесообразнее всего воспользоваться помощью Дашеньки. Если съездить к ней переодеться и подкраситься, то можно сэкономить по меньшей мере час, а это уже хорошо.

– Ты найдешь, во что меня одеть? – спросила она жену брата по телефону.

– Смотря для чего.

Даша была существом необыкновенно обстоятельным и к вопросам одежды и внешнего вида относилась более чем серьезно. По образованию она была стилистом, в вопросах моды, макияжа и приличий разбиралась прекрасно, а кроме того, до замужества работала продавцом женской одежды в дорогом бутике.

– Я должна быть женщиной, которая хочет найти работу секретаря-референта и стремится выглядеть соответственно.

– А во что ты сейчас одета?

– Как обычно: джинсы, майка, теннисные туфли.

– Джинсы какие?

– «Грекоф».

– Черные?

- Нет, синие.

- Не пойдет, - решительно заявила Даша. - Я спросила, потому что думала, что на тебе надето что-нибудь приличное и нужно просто кое-что добавить. Но тут и добавлять нечего, надо все целиком подбирать. Ты через сколько приедешь?

- Минут через сорок - сорок пять.

- Жду, - по-деловому коротко ответила она.

Через сорок пять минут Настя стояла перед широченной супружеской кроватью в квартире своего сводного брата. На кровати аккуратно были разложены блузки-топы, легкие пиджаки и узкие юбки. Даша как заводная носилась по огромной квартире, присматривая одновременно за готовящимся обедом, трехлетним сыном Сашенькой, который своей энергичностью и любознательностью превзошел обоих родителей, вместе взятых, и за Настей, которая, по ее мнению, «обязательно оденется как-нибудь не так, если за ней не проследить».

- Снимай этот топ, - командовала Даша, держа в руке поварешку, которой она только что снимала пробу с борща. - У тебя из него грудь вываливается. Примерь вон тот лучше.

- Тот мне не нравится, - возражала Настя.

- А тебя никто не спрашивает, нравится тебе или нет. Ты должна понравиться своему работодателю, а не блузка - тебе, ясно? Саша! Отойди от плиты, ничего там не трогай!

Она пулей умчалась на кухню и уже через несколько секунд снова стояла рядом с Настей.

- К этому топу нужна бордовая юбка.

- Но я хочу черную, - сопротивлялась Настя.

– Мало ли чего ты хочешь. С черной будет слишком мрачно, ты же не в похоронное бюро идешь наниматься на работу. Бордовый цвет элегантный, строгий и в то же время нарядный. И вообще запомни, этот цвет называется «моченая брусника».

– Твоя моченая брусника очень короткая. Я буду выглядеть в ней как непотребная девка.

– Не выдумывай, пожалуйста. Девки выглядят непотребными не оттого, что на них юбки короткие, а оттого, что у них глаза проститутские.

Настя от души расхохоталась.

– Какие, какие у них глаза?

– Ну Настя, не заставляй меня произносить вслух неприличные слова. Ты сама знаешь, какие у них глаза. Вот видишь, юбка смотрится на тебе просто замечательно. У тебя же такие красивые ноги, а ты их вечно в джинсы укутываешь. Теперь давай пиджак подбирать.

– Может, не надо? – с сомнением спросила Настя. – Куда пиджак-то в такую жару, я же умру в нем.

– Интересно ты рассуждаешь! Приличный секретарь-референт в приличном офисе должен всегда выглядеть прилично, в любую погоду. И ты должна одним своим внешним видом показать, что ты это понимаешь и разделяешь. А то явишься в майке с полуголой грудью – и там сразу подумают, что ты и на работу так ходить собралась. Это несерьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/prizrak-muzyki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)